

Жезлъ Аарона.

(О словѣ въ поэзіи).

Смыслъ въ здоровомъ смыслѣ.

Нѣкогда всѣ слова были значимы; то есть: были со смысломъ; реализмъ слова въ смыслѣ; смыслъ же слова не связанъ съ предметностью; смыслъ—„предметъ“, не ощущаемый пальцами, не имѣющій цвѣта и не имѣющій звука, безвкусный; онъ—предметъ *sui generis*.

Обыденное взятіе нами звука слова „предметъ“ есть двусмыслица; ассоціируемъ мы его съ матеріальнымъ предметомъ; матеріальный предметъ есть сложение въ насъ воспринимаемыхъ качествъ; это намъ становится яснымъ позднѣе; преобразуется въ насъ самый взглядъ на предметность; предметъ есть единство многообразія качествъ; воспріятіе наше его предваряетъ; онъ есть „самъ въ себѣ“: онъ для насъ—„предметъ въ насъ“; въ воспріятіи онъ дается слѣяннымъ съ играющимъ моремъ чувствъ, по существу безпредметнымъ; связь предмета и чувства не подвержима сомнѣнію; содержаніе чувствъ расплавляетъ предметности; аллегорія „предметъ чувства“ не выражаетъ собою поэтому содержанія; предметъ мысли и чувства въ сознаніи противостоитъ обычному представленію о предметахъ, употребленіе звука слова „предметъ“ по отношенію къ синтезу чувствъ по существу внѣпредметно; образъ мыслей и чувствъ въ насъ течетъ, проявляя себя, какъ движеніе жизни сознанія; существо этой жизни кипѣнье игры; образованіе сознательной жизни вполне уловимы, какъ ритмы кипѣнія.

Порожденія ритмовъ суть смыслы.

Смыслъ—„предметъ“ *sui generis*; смыслъ—предметъ безпредметный; недоразумѣнія коренятся въ неправильномъ приложеніи

звука слова „предметъ“ къ областямъ, вѣблежащимъ предметному міру: и они намъ туманяють реальное представленіе о существѣ познания и мысли. Многіе промахи философіи не возникли бы вовсе, если-бъ звуку слова „предметъ“ во-время отвели бы мы должное мѣсто.

Слово, взятое безотносительно къ смыслу, есть слово пустое, если даже ему соотвѣтствуетъ матеріальный предметъ. Есть такіа слова: очень часто они покрываютъ собой группу терминовъ; и уже этимъ самымъ теряють они первоначальные, конкретные контуры.

Эти слова не суть термины; но они утеряли уже индивидуальный свой смыслъ; группу терминовъ покрываютъ они обыкновенно случайно; отъ чеканной ясности логики всѣ такіа слова далеки; всѣ такіа слова далеки отъ первичной миѣческой свѣжести живого, народного слова.

Термины—философскія риѣмы; терминологія—поэзія логики; терминологи суть поэты; очень многіе пишутъ прозою; не желая поэзіи философіи, не желаютъ они и поэзіи собственно; называютъ они философское творчество особаго рода болѣзнію; и они же не вѣрятъ тому, что первичная поэзія слова пульсируетъ смыслами молодого, живого сознанія, о которомъ забыли они, или котораго не достигли.

Обыденная философія отскочила въ „паническомъ“ ужасѣ отъ метафоры; и потомъ на метафору наложила узду аллегоріи; а поэзія пошлаго слова проявляетъ „паническій“ ужасъ передъ критическимъ смысломъ, отрѣзая отъ смысла себя провозглашеніемъ себя, какъ „нутра“.

Наша рѣчь потеряла свой смыслъ; quasi ясное слово полно химерическимъ содержаніемъ; это пляска тѣней, завлекающихъ въ эфемерный [свой міръ, въ неживую механику звуковыхъ повтореній, очень позднихъ и нарочито составленныхъ; тѣло и слово здѣсь умерли; еле дышуть одни окончанія—„сть“ или—„измъ“,—окончанія, намекающія на какія то блѣдныя иллюзіи смысла.

Логика нашему здравому смыслу нѣтъ: въ немъ нѣтъ „логики собственно“. Наша рѣчь, противопологающая себя „неосмысленной“ поэтической рѣчи, для поэзіи—нищенка; „нищенка“ горделиво сбросила съ себя свои ризы, ставъ логически неосмысленной рѣчью, а поэтически безсмысленной вовсе; „здравый смыслъ“ нашей рѣчи—абсурдъ для поэзіи; и—невнятица въ логикѣ; логикѣ современныхъ философовъ просто нечего дѣлать съ понятіями, въ которыхъ течетъ наша жизнь; мы говоримъ: реал-измъ, мистицизмъ, религіозно-сть, логично-сть и при помощи эсть-тэ-ерь превращаемъ конкретное слово въ абстракцію; всѣ абстракціи—вытяжки изъ звучащихъ и красочныхъ словъ; удовлетворяють, быть можетъ, онѣ элементарнѣйшимъ рассу-

ждениямъ объ общихъ и частныхъ понятіяхъ; приставляя абстрактныя окончанія къ словамъ, подмѣняемъ мы логику очень смутнымъ процессомъ произнесенія мнѣній; мышленіе при помощи такихъ словъ—суррогатно, разъ теченію словъ не соотвѣтствуетъ теченіе смысла.

Произнося звуки словъ, мы вызываемъ ассоціацію, обращенную къ памяти о какихъ либо господствующихъ философскихъ или научныхъ тенденціяхъ; напримѣръ: „эволюція“ вслываетъ въ сознаніи нашемъ, какъ дана она Спенсеромъ; но по мнѣнію одного изъ философовъ „эволюція“ Спенсера—выраженіе порочнаго круга; то есть: она отрицаетъ себя.

Все это насъ не заботитъ: произнесенъ звукъ слова мысли,—мы его считаемъ за мысль.

Подмѣняя именемъ мысли индивидуально текущую мысль, предполагаемъ мы въ собесѣдникѣ одинаковый смутный процессъ вызванія гдѣ-то усвоенной мысли; если бы разобрать, что встаетъ въ насъ при этомъ, какъ смыслъ, мы поймали-бы въ себѣ повтореніе популярнаго мнѣнія; наша блѣдная, блѣдная мысль произноситъ звукъ слова, не мысля.

Мышленіе нашихъ дней—въ именованіи, въ произнесеніи абстрактнаго и некритичнаго слова; оно для насъ догмать; а туманный процессъ усвоенія словъ есть отдача какому нутряному процессу: сваренія пищи; отправленіе физиологическихъ функций—не мысль; возведеніе этого процесса до мысли—залитіе мозга желудочнымъ сокомъ: „нутро“; совершается насилье надъ мыслью въ абсолютизмъ „нутра“, бронированномъ какимъ либо случайно услышаннымъ догматомъ; догматы въ насъ растутъ, какъ грибы, вытѣсняя изъ мозга ритмъ подлинно мысли и обращая его въ ассоціативную отрыжку сознанія; динамизмъ мысли падаетъ; мысль впадаетъ въ сонливое состояніе: она не мыслить, а варить; результатъ сваренія—отбросъ: предметность понятія (въ динамизмъ мыслительной жизни оно—безпредметно); таковое понятіе—гетерономно всегда; оно — „для чего либо“; „что либо“—матеріальное условіе жизни.

Такъ рождается здравый смыслъ.

Слово.

Слово-терминъ и слово-образъ по существу въ насъ не живы; поэтический и критическій смыслы раздавлены предметнымъ понятіемъ. Наша рѣчь напоминаетъ сухія, трескучія жерди; отломанныя отъ древа поэзіи, превратились онѣ въ палочные удары сентенцій;

наше слово есть жезлъ, не процвѣтшій цвѣтами; оно было мудрою и живою змѣей; но змѣя умерла.

Смысль народного слова—внутри звука корня; нѣкъ гда принималъ этотъ смыслъ многообразіе очертаній и жестовъ въ мн гообразіи внутреннихъ своихъ измѣненій: въ перебѣгѣ приставокъ и окончаній; въ абстракціи, возлежащей на словѣ, не явленъ онъ: онъ—внутри.

Абстракціи покрываютъ корою жизнь слова.

Преображеніе „змѣи“ въ сухой жезлъ есть итогъ надруганій расудочныхъ сатировъ надъ дріадами слова; изъ подъ короста отложеній порою бьетъ снова наружу живой, былой смыслъ; мертвый смыслъ отпадаетъ каркасомъ отъ остро ожившаго слова, язвящаго жаломъ своихъ звуковыхъ сочетаній, глубоко осмысленныхъ для себя и поражающихъ „здравый смыслъ“; звуки слова сбиваютъ на росты абстракціи съ корня; возстаніе къ жизни словеснаго корня подъ каменнымъ гробомъ абстракцій начинается нынѣ уже; но еще въ голомъ бунтѣ корней нѣтъ конкретно-разумнаго смысла.

Отношеніе звука къ абстракціи—отношенія луны и земли: и луна, и земля суть разломы единого тѣла; и есть земность луны; но привыкли мы видѣть луну ослѣпительной ночью; и безлуненъ для насъ небосводъ надъ дневною землею (днемъ луна—невидимка; или днемъ она—блѣдная).

Смысль и корень—луна и земля; умираніе корневого значенія связано съ тверденіемъ мысли, съ приближеніемъ къ предмету понятія; наоборотъ: закричи на насъ корень,—абстракція, какъ кора, отстаетъ. Намъ кричанія корня—ударъ томагавка, сѣкущаго терминъ въ аггломераты звучащихъ беззначностей.

Смысль не связанъ ни съ корнемъ, ни съ терминомъ: по отношенію къ солнцу луна и земля (смысль абстрактный и корень)—расщепы словеснаго органа; блескъ луны и земли—въ блескѣ солнца; и угасни намъ солнце, угаснетъ земля вмѣстѣ съ днемъ; и угаснетъ луна: ослѣпительный, видимый блескъ нашей логики и цвѣтущія звучности слова—два луча солнца смысла; и понятія, и звуки—не смыслъ; въ нихъ—его излученія.

Проростаніе короста словъ мудрой змѣйностью корня суть цвѣтенія жерди-жезла: слово-жезлъ, слово-терминъ, какъ жезлъ Аарона, исходитъ цвѣтами значеній; трезвость логики, не теряя лучей, наливается соками жизни, чтобъ стать древомъ жизни.

Слово-мудрость бѣжитъ по исторіи въ олицетвореніяхъ растительной жизни (проповѣдь подъ смоковницей Будды, проклятіе засохшей смоковницы).

Слово мудрость—въ смоковницѣ сочной: въ смоковницѣ жизни.

Попытаемся пережить первобытного человека; пребывание его—в безымянных мирах, в безымянностях состояний сознаний; безымянное устрашает; отсутствует смысл; пробуждаясь во внѣ, онъ внѣ-смыслено утопаетъ въ предметахъ; у него нѣтъ критерія противопоставить предметамъ себя; переживание предметовъ, какъ органовъ тѣла, ощущение міра огромностью тѣла, ощущение себя этимъ тѣломъ—состоянья сознания этого, если можетъ быть названъ сознаниемъ бредъ бытія; переживание идиота подобно описанному.

Пробуждаясь внутри себя—внутри себя, человекъ ощущаетъ провалъ въ безпредметностяхъ внутреннихъ ритмовъ, какъ въ пульсацию органовъ; внутри пульсовъ имѣетъ онъ смутное представление о времени; состояние сознания въ немъ—не человеческое, а какъ бы червиное. Мы его утерjali; оно въ насъ живетъ за порогомъ.

Пересѣченіе двухъ этихъ бредовъ въ одно, есть первичный генезисъ сознания въ нашемъ смыслѣ, какъ смутное чувство безсмыслицы; это чувство есть „смыслъ“; онъ—трагедія столкновения двухъ чудовищъ: тутъ рождается „я есмь я“ въ бредѣ боя безсмыслицы; „извнѣ“, „изнутри“ переживаютъ всѣ ужасы, ненормальность сжатія міра „внутри“ до комочка, давямаго громадной природой; слетаетъ съ души безотчетно.

— Какъ „сюда“ я попалъ?

Въ бредѣ боя безсмыслицъ—прѣтъ міръ „изнутри“, заливаютъ „извнѣ“, отчего внутренности переживаютъ безмѣрное расширение; ощущенія снимаются съ мѣста; кожная поверхность уносится внутрь пульсаций; переживается тѣлесный составъ, какъ безмѣрность внѣ тѣла бушующихъ щупальцевъ: убѣждала дѣйствительность! Все „извнѣ“, внѣ „внутри“ есть ничто: человекъ—внѣ дѣйствительности.

Соединеніе въ одно двухъ безсмыслицъ—рождаетъ паническій ужасъ; безуміа отъ ужаса, человекъ переступаетъ былые предѣлы, создавая инья: рождается крикъ, (запечатлѣніе міра чувствъ въ въ мірѣ внѣшнемъ); крикъ есть заговоръ; крикъ есть творчество изъ отчаянья и рожденіе рѣшимости: одолѣть что бы ни было.

Здѣсь—рожденіе слова и смысла. Слово смысла равно смыслу слова; смыслъ здѣсь дѣйствененъ, жестикуляционенъ, мимиченъ; жестикуляція крикомъ слова есть творчество выносиваго бытія надъ невыносимымъ, томящимъ: сознание необходимости крика слова, какъ смысла,—есть творчество; сознание необходимости крика слова, какъ смысла—рожденіе сознания въ нашемъ смыслѣ; и оно—въ борьбѣ съ червемъ времени (состояніемъ сознания „внутри“) и съ шаромъ

пространства (ничего внутри—все во внѣ!); этотъ шаръ становится послѣ „яйцомъ“, изъ котораго выльзъ оренчскій змѣй, Протагонъ.

Переживаются звуки грома; они устрашаютъ.

Воспроизведение звука природы гортанью—начало познанія; здѣсь звукъ слова есть щитъ; здѣсь онъ — толкъ; здѣсь онъ — островъ надъ безтолочью.

Въ звукахъ слова „г“, „р“ (слова гр-омъ), или „d“, „r“ (слова Donner) есть извѣстное прониканье природы гремящаго звука: въ приспособленія гортани, въ умѣніи управлять языкомъ струей воздуха и т. д., въ умѣніи слагать слово—начало науки; душа овладѣваетъ тѣлесностью: ее заговариваетъ.

Звуки словъ—заговоръ.

Корни словъ—результаты творческихъ упражненій въ искусствѣ познанія; они—магія; корни словъ суть умѣніе выражать нутромъ духа стихи при помощи звука; „философія тождества“ природы и духа (позднѣйшая философія Шеллинга)—безсознательная предпосылка сознанія примитивнаго человѣка; она—его вѣра; этой вѣрѣ обязаны мы самому словесному бытію; философское отверженіе этой вѣры (напримѣръ, сознаніемъ Канта) привело къ разрушенію вѣры въ слово: отсутствіе вѣры разрушило слово.

Корень—творческій образъ, соединяющій двѣ стихи (природы и духа) въ единую цѣлостность; цѣлостность двухъ безсмысленно данныхъ частей („внѣ“, „внутри“) есть дѣйствительность; дѣйствительность есть ничто внѣ познанья; познанье ничто безъ словесности; дѣйствительность есть живое слово о данномъ; данный міръ—недѣйствителенъ; опознаніе въ словѣ его есть впервые созданье дѣйствительности.

Внутренне движеніе души сочетается съ пересозданной природой въ частичную форму: въ звукъ слова; въ звукъ слова—душа; одушевленіе данного міра въ творимой дѣйствительности невозможно внѣ слова; первоначальное слово есть сочетаніе творчества смысла съ познаніемъ данной внѣ-смыслицы въ бытіе sui generis; сочетаніе это отражаетъ намъ миѣ.

Первоначальное слово миѣично.

Примитивная рѣчь продолжаетъ въ искусственной рѣчи свое бытіе: она—корни, въ насъ глухо звучащіе; мы настроили надъ корнями строенія изъ искусственныхъ смысловъ въ чудовищныхъ зданіяхъ позднихъ словъ; убѣжденіе сопровождало насъ: корни мертвы; корни живы, но—замерли: они спятъ въ летаргическомъ снѣ; пробужденіе ихъ въ словахъ отзывается въ искусственныхъ смыслахъ—подземнымъ ударомъ; смыслы рушатся, погребая въ обломочномъ мірѣ разсудокъ-гомункулъ.

Примитивное слово живетъ независимо отъ логическихъ и мнѣ-ческихъ примышленій; въ немъ—чудо духовности: соединеніе духа и плоти въ конкретность эмпирики.

Духовная эмпирика—эмпирей—существо жизни слова: оно—инспирируетъ.

Рѣчь корней—поблѣднѣла: въ насъ—позднѣйшія развѣтвленія первой рѣчи; въ боляхъ роста первичнаго слова совершается въ словѣ распадъ на двѣ новыя данности, новые виды безсмыслицъ—на эстетическій, на логическій и на магическій смыслы; образъ рѣчи—душа; имажинація, образованіе жизненныхъ образовъ (смысловъ жизни) въ распадахъ первичнаго слова,—распалась; смыслъ жизни разрушенъ; вмѣсто него отверденѣлъ міръ понятій, предметовъ; образованіе твердаго міра и стылаго смысла понятій—образование новой данности въ мѣстѣ павшей дѣйствительности; преодоленіе данности и опознаніе данности (мертвыхъ терминовъ и корней)—преодоленіе имажинаціи слова при помощи инспираціи слова.

Гдѣ путь къ инспираціи?

Слово мы застаемъ въ условіяхъ переходнаго времени, когда голосъ ломаясь, становится грубо-мужскимъ, оплотнѣвшимъ и неосиленнымъ. Поэтическая юность метафоры пробивается въ рѣчи растительностью аллегорій.

Въ метафорѣ насъ встрѣчаетъ сліяніе двухъ образовъ въ третій; въ немъ нынѣ—трещина.

„Зеленокудрые лѣса“! Выраженіе это—метафора: здѣсь сравненіе двухъ образовъ по общему признаку; здѣсь есть третій ихъ смыслъ, метафорическій смыслъ, создаваемый передъ нами: утверждается бытіе „кудролістія“; листья, кудри суть данности; кудролістіе—соединеніе двухъ данностей: дѣйствительность собственно; существо жизни дерева—въ немъ: дерево есть дріада.

Такъ любая метафора заключаетъ потенцію міова.

Метафора — соединеніе образовъ. Но первыя метафоры—соединенія многоразличія звуковъ въ единство: ге, еръ звука слова громъ есть не г+р, а звукъ гр, не исчерпывающій своего содержанія въ суммѣ звуковъ; звуковое единство—не сумма; звуковое единство—произведеніе звуковъ; неразлагаемый, синтетическій смыслъ зарождается въ немъ.

Корень слова—метафора сама по себѣ; и она не нуждается въ образномъ поясненіи; корень слова—метафора всѣхъ позднѣйшихъ метафоръ, отсюда возставшихъ; и—миоѣ суммы миоѣвъ, разцвѣтшихъ изъ суммы метафоръ; корень слова есть корень огромнаго, многовѣтвистаго древа значеній, покрытаго неисчислимостью листьевъ—

позднѣйшихъ движеній динамики мысли: соединеніе природы и духа осуществило себя въ непрерывномъ дѣторожденіи; первый смыслъ (корневой) измѣряемъ по образцу и подобію этой первой метафоры; противопоставляемъ онъ и безличію духовной стихіи, и мертвой природѣ; смыслъ—демонъ слова, соединяющій смыслы и звуки; у поэзіи съ философій—одна общая муза: премудрость, Софія.

Корень слова есть первая метафора-мнѣ; въ грамматикѣ и въ эстетикѣ онъ позднѣй себя выразитъ въ принципахъ строенія словъ, въ звуковомъ эстетизмѣ.

Въ корнѣ словъ уже есть совпаденіе содержанія съ формою: грамматика (форма), эстетика—реальное содержаніе—разовьются позднѣе; дано ихъ единство (слово-творчество звука есть слово-законъ); непроизвольная религія слова необходимо сопутствуетъ его зарожденію (философія тождества Слова и Плоти дана въ фактѣ слова); магія сопутствуетъ слову (оно—заговоръ). Въ аналитикѣ корневыхъ элементовъ заключена позднѣйшая аналитика всѣхъ возможныхъ сужденій; сужденіе а priori въ Кантовомъ смыслѣ есть связь двухъ понятій въ расширенномъ содержаніи; въ корнѣ слова встрѣчаетъ насъ многообразіе звуковыхъ элементовъ въ одномъ синтетическомъ звукѣ.

Корень слова есть сочетаніе множества звуковыхъ элементовъ въ единствѣ; а возможность познанія по Канту—въ возможности покрывать категоріей многообразіе чувственныхъ элементовъ; соединеніе чувственно даннаго матеріала съ виѣчувственно-даннымъ единствомъ разсудка совершается при помощи кантовой схемы; ея корни—въ фантазіи.

Трансцендентальная схема у Канта есть парадоксъ; она—соизмѣряющее начало познанія; двѣ половинки сужденія—чувственная и разсудочная—соединяются при помощи схемы; схема у Канта искусственна; она—методъ изображенія понятія въ образахъ. Изображеніе понятія въ образѣ или есть совершенный абсурдъ, или онъ полагается въ самой основѣ сужденія. Кантову схему слѣдуетъ положить вовсе не тамъ, гдѣ она положена Кантомъ; схема есть предвареніе самой возможности мышленія; она есть первичная данность, въ которой не можетъ быть еще раздѣльно данныхъ—понятія и предмета; Кантова критика есть лишь методъ ищенія схемы, то есть, образа на раздѣльно положенный міръ категорій и чувственныхъ формъ; только въ такомъ положеніи Кантова схема выноситъ опредѣленіе Канта; въ положеніи ея Кантомъ внутри аналитики она—звукъ пустой. Аналитика Канта вскрываетъ условія возможности составить сужденія; ученіемъ Канта о схематизмѣ понятій должно намъ предварять самую аналитику.

Трансцендентальная схема у Канта есть образъ мысли; правильнѣе сказать: она условіе становленія понятій и міра; въ ней—и

мысль въ становленіи; и—предметъ въ становленіи; въ Кантовомъ построеніи понятія и предметы суть „ставшее“; они—продукты процесса. Продуцирующее начало положено Кантомъ внутри міра продуктовъ, какъ одинъ изъ продуктовъ; неудивительно, что ученіе о схематизмѣ понятій у Канта есть тѣнь понятія на предметъ, или тѣнь предметнаго міра въ безпредметномъ понятіи; между тѣмъ понятія и предметы суть тѣни схемы, которая въ такомъ видѣ не можетъ быть названа схемою собственно, а полнокровнѣйшимъ мнѣемъ, условіемъ познания.

Познавательный мнѣесть метафора; въ метафорѣ—образъ мысли; ученіе Канта о схемѣ—весьма показательно; необходимость ввести въ міръ сужденій міръ схемъ—показательна; здѣсь въ познаніе вплавлена мнѣологія; познаніе начинается съ метафорическаго условія; и—кончается мнѣемъ.

Корень слова—метафора всѣхъ метафоръ; и—мнѣе мнѣологіи; въ этомъ смыслѣ же онъ—схема схемъ; въ корнѣ словъ міръ и мысль (міръ предметовъ, понятій) сліяны въ первичномъ единствѣ; корневое слово—начало возстанія дѣйствительности, идеально-конкурентнаго бытія, противопоставленнаго матеріи и разсудку, двумъ не сущимъ нарастамъ на міръ и мысли.

И въ началѣ—оно: оно было у Бога.

Въ словѣ данъ намъ логическій смыслъ; данъ и смыслъ звуковой; именованіе—первое явленіе смысла; имя рекъ есть душа всего сущаго; въ имятворчествѣ, въ имяславствѣ—оплодотвореніе Духомъ (Зевесомъ)—природы: дѣти Духа и міра суть: души; эти души—слова. Мы душевны по столько, по сколько словесны: въ неизрѣченномъ, въ безсловномъ мы воистину внѣ души; или—надъ, или—подъ: главнымъ образомъ—подъ; въ выхожденъ изъ словъ есть опасность и рискъ; выхожденіе изъ словъ насъ обязываетъ къ величайшему напряженію: къ прорыванію оболочекъ душевности; здѣсь—прорывъ души къ духу: разрывъ ея въ духъ; если въ насъ не исполнится жертва души міру духа, то выхожденіе наше изъ словъ есть начало паденія въ животную безглагольность; умолчаніе, неизрѣченность есть подвигъ рожденія подъ словомъ словъ внутреннихъ и духовныхъ; если молчаніе наше не вопіетъ передъ Господомъ своимъ внутреннимъ словомъ, мы въ молчаніи нашемъ становимся изъ людей непрекословными тварями.

Въ изреканы названій животному міру Адамъ—уже духъ: онъ воистину вдохновитель природы: струитъ свою душу, какъ слово живое; слово его, какъ душа, продолжаетъ жить внѣ его.

Именованіе, заговоръ и сотвореніе міра—тройкое содержаніе смысла словесности; въ развѣтвленіяхъ позднѣйшаго слова содержаніе намъ дано, какъ три смысла.

Слово—заговоръ и доселѣ въ насъ живо; номенклатура понятій есть заговоръ противъ... конкретного смысла (во имя абстрактнаго смысла), временно мертваго въ насъ и звучащаго въ сотрясеніяхъ воздуха, въ механикѣ произнесенія термина.

Смыслъ научныхъ понятій—въ примѣненіи ихъ, какъ условій опытной техники; внѣ приборовъ, машинъ, они пусты; логика предполагаетъ матеріально данный предметъ; слова „атомъ“, „энергія“ не имѣютъ значенія внѣ реторты, внѣ колбы, внѣ холодильниковъ, внѣ тепловыхъ очаговъ; міровоззрительнымъ, объяснительнымъ смысломъ звучатъ они намъ. Въ произнесеніи звукосочетанія „атомъ“ для объясненія смысла подмѣняемъ мы логику и поэзію ритуаломъ магическихъ заклинаній; парализуемъ мы смыслъ.

Слово—творчество бытія—продолжаетъ въ насъ жить какъ метафора; но мифическій смыслъ ея стертъ; въ насъ теорія (соединеніе THEOS и ORAO)—не видѣніе божества, а лишь нить непроявленныхъ мыслей, туманныхъ и блѣдныхъ.

Слово-собственно — (слово словъ) — какъ единство словесныхъ плотей съ ихъ духовной динамикой продолжаетъ въ насъ жить... смысломъ логики.

Смыслъ логическій, смыслъ живой, здравый смыслъ въ нашемъ словѣ расщепы: изъ смѣси поэзіи и абстракцій возникла невнятица стертой рѣчи, „словесность“; торчитъ непрощѣвшимся жезломъ, гдѣ убита „змѣя“ и гдѣ смыслъ механически вбитъ въ нашу голову палочнымъ ударомъ сентенціи, именуемой „мышленіе“.

Логика и грамматика.

Одно время развитіе логики было развитіемъ аналитики, расчленяющей жизнь сужденій.

Слово—атомъ сужденій—первѣе понятія; и—первѣе предмета; связь, субъектъ, предикатъ въ немъ—единство, лежащее корнемъ. Но слово не атомъ, а если угодно—молекула, сложенная изъ буквъ звуковъ. Чередуваніе пространственно изрекаемыхъ звуковъ во времени, ихъ единство, какъ корень, покрытое смысломъ есть сужденіе *sui generis*; протекаетъ оно въ элементахъ сужденія въ нашемъ смыслѣ; формальныя условія жизни сужденій присутствуютъ налицо: здѣсь субъектъ—корневой матеріалъ; а предикатъ—ихъ единство, какъ корень; въ звукъ слова—сужденіе создаванія самаго условія возможности мыслить.

Грамматика—первѣй логики.

Таковы положенія грамматиковъ въ ожесточеніи спора ихъ съ логикой; и таковъ разрывъ филологіи съ философіей слова. Представитель грамматиковъ, Маутнеръ, заключаетъ рѣшительно: такъ какъ логика—отрасль грамматики, то ея въ нашемъ смыслѣ и нѣтъ; и бессмыслица думать о мысли, что она существуетъ отдѣльно отъ слова; и логическій Логосъ, не—Логосъ, а слово. Обостренія логической школы довели насъ до тезиса: мысль не воплотима въ словахъ; словесное выраженіе мысли ее искажаетъ; удѣлъ мысли—молчаніе. Логика противоположна грамматикѣ; для нея смыслъ грамматики теменъ: онъ есть фонетическій, алогическій крикъ. Въ блѣдной немощи термина, въ футуристическомъ крикѣ продолжается споръ эпикурейской фонетики съ аскезою термина; въ терминѣ—молчаніе слова, въ немъ—юга слова; выразить безсловесность значенія въ словесномъ значеніи; здѣсь въ обычное слово положенъ невообразимѣйшій смыслъ; таковы понятія познания. Въ этомъ взятіи слова, какъ жеста, какъ знака,—вся суть гносеологіи; и оттого гносеологія есть особое искусство: изламывать живой смыслъ; для неспособнаго къ этому она есть безуміе, о чемъ заявляютъ подчасъ намъ умнѣйшіе люди и на что ссылается Маутнеръ; въ футуризмѣ и въ нео-логикѣ утопленъ послѣдній остатокъ конкретнаго смысла; здѣсь—пустая дыра, кое какъ прикрытая хвостомъ общихъ мнѣній ходячаго смысла.

Слово въ словѣ разбито: въ немъ духъ отлетѣлъ; а въ обломочномъ мірѣ корней, кое какъ нанизанныхъ другъ на друга и являющихъ немислимость сочетаній, разбитое тѣло безсильно закорчилось.

Намъ грамматики не кажутся правыми; грамматика есть абстракція отъ словесности; въ ней подмѣна мѣта застылою формою; будь у насъ разработана теорія слова живого, въ ней полнѣй, непосредственнѣй отразилась бы жизнь слова-мѣта; но такой теоріи нѣтъ; въ ея мѣстѣ—молчаніе и кое какъ оформленный матеріалъ; осознаніе слова, какъ мѣта, первѣй осознанія его въ граматическихъ отношеніяхъ; и первѣй оно термина; намъ въ грамматикѣ, въ логикѣ слово явлено не вполне, а въ двоякой абстракціи; изъ двоякой абстракціи этой должны мы сложить наше слово о словѣ.

Мысль о словѣ.

Человѣкъ погруженъ въ неосознанность буйныхъ стихій неосознаннымъ духомъ; рожденіе сознанія—въ словѣ; въ немъ природа и духъ сочетаемы въ то, что уже ни природа, ни духъ въ прежнемъ смыслѣ: въ словѣ явлена намъ духовность природы сознанія;

въ словѣ явлена намъ природа духа въ законѣ; слово-корень—законъ жизни духа въ природѣ; и выраженіе закона—цвѣтущая мнѳомъ метафора.

Произволы созданія и вмѣненной законъ (анархическій эстетизмъ и мораль) сочетаемы въ моральной фантазіи; пусть рисуетъ она мнѣ меня самого, пересоздающаго жизнь по образу и подобию мнѣ открытаго лика духовной природы. Этикѣ, обоснованной на законѣ, непонятны бунты моего произвола; но произволу эстетики—кнутъ.

И поэтому для законнаго слова всѣ звуки природнаго слова—суть фавны; футуризмъ языка здѣсь внушаетъ паническій ужасъ. Наоборотъ законъ, Логосъ, мертвящимъ морозомъ грозитъ футуризму; слово-ледъ, слово-пламень, сталкиваясь, рожаютъ лишь паръ да туманъ.

Слово-собственно—невыразимо логически; футуристически еще менѣе выразимо оно; въ футуристическомъ словѣ огонь слова жизни хладнѣетъ отъ коростовъ терминологической жизни, обставшихъ фонетику; еще паръ ходячей словести, а не пламень живой поднимается отъ футуризма, не способнаго пробиться наружу сквозь корысты ледяной нѣмоты; футуризмъ есть гримаса на словѣ; подкупаетъ въ ней искренность: вѣришь скрежету футуристическихъ мукъ.

Сущность слова вполне выразима лишь въ мнѳѣ—о мнѳахъ. Всѣ иные мнѳы—произростанье метафоръ; но есть мнѳъ о словѣ; въ немъ, по моему, схвачена символика тайныхъ дѣйствій, текущихъ внутри корня слова. Онъ—слово о словѣ.

Вдохновитель древняго аркадскаго культа, Гермесъ, есть сынъ Духа (Зевеса) и Маи (природы); человѣка Гермесъ надѣляетъ искусствомъ сложенія словъ, ударомъ словъ объяснять (hermeneuein); словесность стоитъ передъ нами теперь герметическимъ культомъ; съ распространеніемъ аркадскаго культа по Греціи—говорить намъ проф. Зѣлинскій—Гермесъ превращается въ дарователя рѣчи-ума; онъ становится Гермесъ-Логіосъ: Козловидный Панъ, (слово, жизнь, которого—въ звуковомъ футуризмѣ, внушающемъ ужасъ)—одно изъ гермесовыхъ дѣтищъ; культъ Гермеса, далѣе, переходитъ въ Египетъ; первично-рожденное слово возносится въ небо; оттуда, изъ неба, вбираетъ въ себя и природу стихій; претворяется хаосъ въ гармонію Космоса. Здѣсь становится Гермесъ-Логіосъ—три-имяннымъ: Гермесъ-Логіосъ-Космосомъ; въ этомъ Логосѣ-Словѣ находимъ и Нусъ, и весь Космосъ природы: Слово есть теперь Плоть. Въ метафизической абстракціи мнѳа рождается философія Логоса; одновременно: и философія логики, и философія слова; культъ природнаго слова (т. е. крайности утвержденія грамматиковъ объ алогичности логики) осуществляетъ себя въ низменномъ герметизмѣ. Здѣсь Гермесъ словес-

ности—есть Луна-Тотъ, Владыка словесъ*), упдающая въ откровенную магію къ каковой относится химія. По Зѣлинскому химія возникаетъ въ искусствѣ, которому отдаетъ себя египетскій родъ происшедшій отъ смѣщенія людей съ духами; родъ этотъ—Chêma; магія съ алхиміей словъ переплетались уже; переплетаются нынѣ; номенклатура есть магія заклинаній, именований, а метафора есть эликсиръ жизни слова.

Эстетизмъ, футуризмъ, фетишизмъ научныхъ понятій отражаютъ, варьируя низменный египетскій герметизмъ.

Мудрость высокаго герметизма продолжается нынѣ въ сужденіяхъ о логическомъ Логосѣ. Здѣсь логическій Логосъ вступаетъ въ борьбу съ лѣснымъ Паномъ (природою звучнаго слова). Футуризмъ и логизмъ (звуки словъ, смыслы словъ) примиряемы въ наши дни не возвратомъ къ природѣ первично рожденнаго слова и не возвратомъ къ первично рожденному мнѣю, а углубленіемъ, обостреніемъ антиноміи словъ до сознанія, что мѣсто логики не въ томъ планѣ, гдѣ логика положила свое бытіе, а въ иномъ, болѣе коренномъ,—до сознанія, что звуковая значимость не есть форма гласящаго звука, а—смыслъ его; можетъ быть въ смыслѣ звука и въ смыслѣ конкретно-логическомъ пересѣченіе звука и логики явить подземное слово въ дневномъ своемъ видѣ; можетъ быть смыслъ абстрактнаго термина зацвѣтеть, точно жезлъ Аарона.

И слово пустое, дневное, и слово ночное, глухое соединятся по новому въ слово, живое, цвѣтущее.

Слово въ поэзіи.

Возьмемъ стихъ поэта.

Здѣсь въ метрической формѣ встрѣчаетъ насъ мысль, облеченная листвою метафоръ, эпитетовъ и звучностей языка; перезвоны корней, аллитераціи, ассонансы вилаваются въ содержаніе; сплавляются съ содержаніемъ; цвѣта звуковъ сплавляются съ звуками цвѣта заката; метафоры переходятъ въ идеи, идеи—въ метафоры.

При углубленіи въ существо поэтической рѣчи намъ становится все невнятной она; передъ нами вопросъ: что въ ней есть?

Въ наши дни большинствомъ голосовъ будетъ признано, что поэзія намъ нужна; при ближайшемъ знакомствѣ съ поэзіей недоразумѣніе лежащее въ основѣ признанія этого—вскроется; и откроется намъ несомнѣнно: представленія наши о словѣ противорѣчатъ наличности поэтическихъ формъ.

*) Всѣ эти данныя мною заимствованы изъ статьи О. Ф. Зѣлинскаго „Гермесъ Трижды-Величайшій“, напечатанной въ его сборникѣ „Изъ міра идей“.

— „Поезія намъ нужна“—скажуть многіе: „въ образно-поэтической формѣ изображаетъ идеи и мысли она“.

— „Поезія намъ нужна“, скажуть многіе: „въ идеологической, мыслительной формѣ изображаетъ она звуки словъ“. „Самая идеологія въ ней лишь средство выразить рядъ внѣ мысленныхъ, душевныхъ эмоцій: и для этой же цѣли она подбираетъ пѣвучіе звуки“ — такъ отвѣтятъ намъ третьи.

Или метафора есть приманка, т.-е. сѣти міровоззрѣній, ведущихъ свою агитацію въ поэтической маскѣ; или же облеченіе міра метафоръ въ понятія есть иллюзія ясности: поверхности поэтической бездны; отраженные на поверхности солнца и луны идейнаго міра поэзіи не присуши; человѣку, припавшему всѣмъ существомъ къ поэтической думѣ поэта,—эта дума отвѣтитъ:

Дитя,—отри заплаканное око:

Не довѣрай мечтамъ...

Луна блеститъ и катится высоко:

Она не здѣсь, а—тамъ.

Поезія есть стихійная бездна; и глаголы ея только зыби поверхности безглагольныхъ глубинъ, ужасающихъ насъ нѣмотою подъ отблескомъ свѣточей: отблески свѣточей суть идеи поэта, протекающія у насъ между пальцевъ; если мы попытаемся ихъ зачерпнуть въ горсти рукъ, онѣ тотчасъ исчезнутъ.

Протекающая между пальцами мудрость міра,—вотъ образъ поэзіи по мнѣнію многихъ.

Смыслъ философа, погруженный въ стихію поэта, намъ явитъ иллюзію приближенія мысли смысла до частныхъ жизни, конкретизируя мысли; все это—какъ бы; чистота абстрактнаго смысла мутнѣетъ въ поэтѣ: банализируетъ философію онъ, превращая звукъ лиры философа въ сантиментальную пошлость; изжитія, избытія темы въ позолотѣ метафоръ и въ сладости звуковъ намъ явятъ — полетъ поэтической мысли: въ недолетахъ критической мысли.

Утвержденіе это звучитъ парадоксомъ.

Но попробуйте обнажить наиболѣе изъ идейныхъ твореній поэзіи отъ метафоръ, отъ красокъ, сравненій, эпитетовъ, звучностей (аллитерацій и ассонансовъ); оно — сразу увянетъ; философская глубина превратится въ иллюзію; мысль окажется браннымъ покровомъ на наготѣ чистыхъ звуковъ; увлеченіе философіей Шопенгауэра не испортило намъ поэзіи Фета и музыки Вагнера; а теоріи знанія, вдохновляемой Фетомъ и Вагнеромъ — нѣтъ: быть не можетъ; теорія знанія въ аналитическомъ контрапунктѣ симфоніи міра мысли; а этотъ міръ—міръ сужденія; вся поэзія темъ субъектности, предикатности у поэта

погаснеть, потому что болѣе, чѣмъ на столѣтія опередила чистая мысль—мысль поэтовъ; и поэтому чистые мысли обыкновенно теряютъ строгую свою красоту, становясь матеріалами поэтическихъ вдохновеній; въ чистой мысли, въ рискованныхъ парадоксахъ ея есть огромная красота, есть огромная глубина; мысль имѣетъ особія переживанія мысли; прикосновеніе поэтическихъ чувствъ къ переживаніямъ этимъ плодитъ намъ безвкусицу; есть своя красота у барокко и есть красота примитива; соединеніе на одномъ полотнѣ штриховъ кисти Беато съ штрихами позднѣйшихъ фламандцевъ есть варварство. Влітіе философской формы въ поэзію таково: очень часто поэтъ въ философіи есть филистеръ.

За философіей, занятой вскрытіемъ внутренне логическихъ истинъ, не угоняться поэту. Если смыслъ поэзіи—въ мысли, то современный поэтъ долженъ былъ бы описывать намъ въ предлиннѣйшихъ поэмахъ, что жизнь есть—

...метафизическая связь

Трансцендентальныхъ предпосылокъ.

Нѣтъ поэзіи, выражающей современную философскую мысль: и появивъсь передъ нами поэзія философіи Ласка, Когена и Наторпа, — отъ нея отшатнулись бы всѣ приверженцы взгляда на то, что задача поэзіи живописать намъ міръ мысли.

Если задача поэзіи въ описаніи водопадовъ фантастики, то поэзія слишкомъ тѣсна для огромности образовъ, здѣсь кипящихъ и безпредѣльных; въ поэтическихъ формахъ предѣльна фантазія. Предѣлъ тотъ отсутствуетъ въ насъ; оттого то вотъ: наиболѣе одаренные фантазіей люди, не имѣя возможности себя выразить въ формѣ, очень часто бѣдны, какъ поэты. Неизрѣкаемое въ поэтическомъ образѣ намъ глаголетъ, какъ внутренній образъ; поэтическій образъ въ своихъ элементахъ есть все же природа, — пусть взятая какъ модель заприродного; по завѣренію лицъ, проходившихъ мистическій путь, мы во внутреннемъ образѣ переступаемъ границы природы въ ея элементахъ; поэзія не совпадаетъ съ фантазіей; сфера фантазіи необъятнѣй: поэзія не содержится въ ней всецѣло, пересѣкая отчасти ее; совпаденіе фантазіи и поэзіи обыкновенно случайно; исключительный культъ фантазіи для поэта угрожаетъ ему.

Центръ кипѣнія образовъ—въ насъ; законы метаморфозы кипѣнія не воплотимы ни въ мысли, ни въ словѣ; поэзія, выражающая исключительно внутренній образъ, есть поэзія умолчаній и старчества: но и мистикъ, и старецъ намъ выскажутъ: образованія внутренней жизни неизрѣченны для слова.

Остается намъ думать: смыслъ поэзіи въ звуковомъ значеніи слова и въ ритмической модуляціи рѣчи; и этотъ смыслъ — внѣразумный: въ сочетаніи словъ, въ темномъ хаосѣ словъ, намъ слагающихъ форму, есть онъ.

Этой темной природою слова, стихіею слова, является громкій звукъ, возстающій на голую абстракцію мысли; козловидный Панъ, — онъ кидается на философа.

Аполлоновъ міръ слова — сломанъ: звукоподражаніе отломилось отъ мысли; трещина въ мірѣ словъ глубока; поэзія сломомъ слова обломана; нѣтъ былого и нѣкогда цѣльнаго слова поэта; раздвоенія его — въ немъ и въ насъ; въ эсперанто и въ крикѣ, въ фонетикѣ, въ логикѣ, въ корневицѣ и въ жерди — осуществляетъ себя разломъ словъ.

У поэзіи нѣтъ особаго міра поэзіи, потому что ея уже нѣтъ въ быломъ смыслѣ потому что она не нужна ни ученому, ни стилисту; ея подлинный смыслъ утерялся въ бессмыслицѣ звуковыхъ сочетаній и смысловыхъ искривленій.

Цѣнителямъ поэтической рѣчи поэтической Разумъ сталъ чуждъ для одного поэтичности терминъ; терминологія, методологія логики, привлекаетъ своею эстетикой часть бывшихъ цѣнителей поэтической мысли; а другую часть привлекаетъ теперь не умѣніе прочитатъ лепетанія Парокъ, а самый процессъ лепетанія. — „Разумъ въ поэзіи закатился“. Такъ гласятъ намъ поэты, философы, футуристы и мистики.

Но—

Ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Привѣтствіе Разуму нынѣ чуждо логику и поклоннику Пушкина.

Логикѣ слѣдуетъ углубить свою логику—отъ представленія о ней, какъ единствѣ разсудка, къ представленію о ней, что она—Имя Рекъ. Цѣнителю звуковъ словъ слѣдуетъ углубить представленіе о звукѣ до представленія о смыслѣ словесной фонетики: звуковая фонетика въ смыслѣ загадана, какъ умѣніе знать тайну звуковъ, слагающихъ храмъ Бога-Слова. Смыслъ фонетики въ имяславствѣ; имяславство выражаетъ намъ опытъ, неизреченный доселѣ: умѣніе слагать Имя Рекъ; центръ души, безымянный доселѣ, есть знаніе духовнаго слова: безымянное нашей души есть Духъ Имени.

Философія сосредоточила абстрактныя представленія въ субъектѣ познанія; философией индивидуальнаго Имени должна она стать; мистика Имени и фонетика Имени—соединяются въ насъ по новому

въ Слова: и это Слово есть Логосъ, но—Логосъ конкретный, рождаемый внутреннимъ словомъ къ произнесенію вслухъ; Онъ распинается въ насъ на половинкахъ когда то единого слова, какъ на страстныхъ перекладинахъ Жизненнаго Креста. Онъ же—долженъ воскреснуть, какъ Разумъ, чтобъ озарить намъ поэзію.

Да здравствуетъ Солнце! Да скроется тьма!

Поэзія будущаго—новорожденное слово изъ музыки. Между нашими представленіями о томъ, что есть слово, и словомъ—лежить нынѣ бездна. Слово нашего представленія о словѣ въ насъ смутно рождается; а остатки разбитаго, ветхаго слова, какъ выкрикъ и голая схема разсудочной мысли безсильно метаются на поверхности бурей изорванной рѣчи въ заливающемъ морѣ ходячаго, пошлаго слова; и подъ этою бурей—огромная и глубокая тишина: тишина ожиданія; подъ тишиною—звукъ: первый звукъ благовѣстія о грядущей, о новой, о чаемой инспираціи слова; долетаетъ какъ музыка онъ, изобразимый во внутреннемъ жестѣ.

Въ жестикюляціи, въ нѣмой гаммѣ жестовъ, въ акомпаниментѣ глазъ, въ интонаціяхъ голоса прорѣзается нерожденный еще новый Разумъ поэзіи въ стертыхъ смыслахъ понятій и въ звуковомъ гротанѣ такъ туло гласящаго корня.

За всѣмъ этимъ—внутренне-рожденное Слово стоитъ, и беззвучно глядитъ.

Не слова во мнѣ: въ Словѣ—Я. Я—не я: это—Слово во мнѣ!

Вотъ что должно понять.

Освѣщеніе корневого и абстрактнаго смысловъ поэзіей—собственно переноситъ насъ къ отысканію ея инспиративнаго корня: онъ—въ Логосѣ; этой поэзіи чаемъ; внѣшними средствами ощутима возможность ея при погруженіи въ аналитику звукового состава, потому что стихія поэзіи, звукъ, при погруженіи въ звукъ намъ не выглядитъ столь уже темной; межъ неизрѣченнымъ и изрѣкаемымъ передвижима граница.

Въ настоящее время жизнь звука и ритма всплываетъ предъ нами въ законахъ; въ алогизмѣ заложена логика, неуловимая нашей логикой; она чуема въ космическомъ шелестѣ фонетическихъ изліяній.

Въ логикѣ прорѣзается новый смыслъ: звукомъ новаго слова; и—новыми звуками мысли, вліянной въ звукъ слова.

Инструментовка поэзіи—солнечно-разумная рѣчь; у нея—свои знаки; и знаки ея не прочитаны; въ предприимчивой гибкости отысканія соотвѣтствій межъ звукомъ и мыслью—умѣніе чтенія новаго слова въ изношенномъ словѣ; нашъ младенецъ еще не рожденъ; но мы чувствуемъ его жизнь въ подлежащей утробѣ словесности; наше мертвое слово, разъятое въ корнѣ и смыслѣ, родитъ свое слово;

терминъ-духъ и природа корней, Зевсъ и Мая, рождаютъ младенца—Гермеса.

Или мы опѣмѣемъ на вѣкъ, или снова словесность намъ станетъ воистину „герметическимъ“ культомъ, а даръ объясненія (hermeneuein) соединить намъ по новому глоссологию съ дарами духовнаго назиданія—въ конкретной разумности.

Филологъ, философъ, словесникъ.

Философія, филологія и словесность по разному намъ вскрывали укрытую „герменейю“ словесъ.

Слово выдохлось въ трансцендентальную логику Канта; исторія философіи (отъ Декарта до Канта, отъ Канта до Наторпа) нарисовала намъ разложенія слова живого; методика, номенклатура понятій,—кристаллы разложенной жизни.

Корневое значеніе слова отъ этого опустилось подъ терминъ: въ животное подъ-сознаніе.

Современный философъ молчитъ изсушеннымъ сознаніемъ, прѣклятымъ, какъ сухая смоковница; и отъ этого запорожня корни сознанія въ немъ демоничны: козлины; сочетаніе корней и вѣтвей въ немъ смѣсительно, противоестественно, пошло; въ немъ смѣшеніе чувственной жизни съ абстрактной—чудовищно; оно—сатиръ: оттого оно превращаетъ живое текучее слово въ козлиное слово; очень часто въ философъ именно такъ сочетается природа и духъ; для него нѣтъ духовной природы; для него она—шаржъ и гротескъ.

Преобладанье разсудка въ дневной его жизни ведетъ къ порабощенью стихій его жизни животной природѣ; современный софистъ зачастую днемъ—логикъ; вечеромъ—помираетъ онъ со-смѣху надъ Раблэ; ночью—гонится въ снахъ за какой либо мыслимой нимфой.

Козловидная природа разсудка есть корень абстракцій.

Отношеніе къ слову поэзіи разсудочной философіи—непорядочно; пользуясь ласкою слова она—насилуетъ слово; и заключаетъ бракъ съ чистой логикой, неизобразимой словами. Наоборотъ филологія зачастую раститъ корневое начало словесности; какъ философъ кощунственно вырвалъ съ корнемъ словесное древо, такъ вздулъ корень слова филологъ, а стволъ—атрофировалъ; филологія утучняетъ себя отъ корней; и—культивируетъ корни, а листья—бросаетъ.

Филологія живетъ въ подсознаніи слова; она—виѣ-сознательна; филологія не легко процвѣтаетъ идеей, позволяя явные романы со смысломъ; филологъ вступаетъ въ союзъ съ корневою стихіею слова. И тутъ онъ—добродѣтеленъ, пребывая въ павосѣ рожденія архаизмовъ.

Филологія—геологія слова; філософія—метеорологічна и вѣтряна; филологія—виѣ словесно-общественныхъ интересовъ; у нея интересы—семейныя.

Третій типъ измѣрителя слова—словесникъ: его роль въ жизни слова—огромна; но до недавняго времени рѣдкій словесникъ насъ радовалъ.

Жизнь его въ отношеніи къ слову проявлялась порой лишь въ заемахъ: межъ исторіей корней и идей онъ бездомно блуждалъ; уподоблялся онъ существу, проживающему попеременно въ двухъ враждебныхъ другъ другу квартирахъ: въ холостой квартирѣ философа и семейной филолога. Перекочевывая изъ квартиры въ квартиру, онъ естественно становился подчасъ разносителемъ слуховъ о словѣ; и—смѣшителемъ методовъ; очень часто бывалъ онъ поклонникомъ ходячаго слова, ибо самъ онъ ходилъ и осядлости не имѣлъ; отъ него пошли сплетни—позту природнаго слова: объ ущербности Разума; очень искренній, очень цѣнный въ иныхъ отношеніяхъ паюсъ за слово, гонимое разумомъ,—все же есть порожденіе недоразумѣній и сплетенъ; наоборотъ терминологу было нѣкогда нашептано объ оргіиной жизни корней.

Обыкновенный словесникъ намъ ссорилъ филолога съ філософіей; раздѣляя, онъ побѣждалъ; воздвигалъ онъ чертоги ходячаго слова и „здраваго смысла“.

Всѣ теоріи слова—словесность, грамматика, логика—не удовлетворяютъ насъ нынѣ; въ нихъ отсутствуетъ теорія: собственно слова.

Крахъ философскихъ абстракцій и крахъ филологіи (обращеніе въ горы сырыхъ матеріаловъ), обнаружилъ намъ явное отсутствіе теоріи слова.

Въ соединеніи філософій съ филологіей по иному начало разцвѣта: словесности собственно.

Заданіе новой словесности.

Въ настоящее время намъ рано заботиться о возведеніи зданій теорій словесности. Слѣдуетъ опростать при закладкѣ фундамента мѣсто, гдѣ будемъ мы строить. Въ этомъ мѣстѣ возведены нынѣ два „павильона“ словесности: слово есть выраженіе звука; оно—органъ понятія; эти два „павильона“ намъ должно сломать. Идеологія и фонетика въ словѣ должны быть единствомъ его содержанія съ формою; и не въ томъ вовсе смыслѣ, что форма есть первое содержанія, ни—въ обратномъ; тезисъ нашъ не такъ простъ; соединяя наличныя дан-

ности содержаній и формъ, мы не сможемъ придти къ ихъ единству; въ одномъ случаѣ мы придемъ только къ „формѣ“ въ расширенномъ смыслѣ; здѣсь живое, конкретное содержаніе, идеологія собственно, непосредственно приметъ пустой, риторическій образъ т. е. будетъ формально; таковое единство — единство эстетовъ, лингвистовъ, грамматиковъ: въ этой школѣ оцѣнка поэзіи производится съ точки зрѣнія архитектуроники изобразительныхъ средствъ, гдѣ въ самомъ голомъ средствѣ намъ видятся цѣли поэзіи: смыслъ логическій въ этой школѣ — простой результатъ комбинаціи словъ: иснареніе глубинъ жизни формы; углубляется, разбирается въ этой школѣ лишь форма; содержаніе остается не вскрытымъ критически; и отъ этого тезисъ единства двухъ смысловъ осуществляетъ себя односторонне: внутри фонетической сферы поэзіи заключены де уже сферы мысли. Въ другой школѣ обратно: признавая единство, его полагаютъ въ томъ смыслѣ, что высказываніе содержанія истинно въ ему свойственной формѣ; нескazuемость многого, напримѣръ, невозможность выразить въ словѣ глубину мистическихъ опытовъ или даже понятійной жизни — будто бы есть дефектъ содержанія мыслей и чувствъ. Въ этой школѣ невольно внутри содержательной сферы положена форма.

Обѣ школы ведутъ къ катастрофѣ во взглядѣ на слово; благополучіе этихъ школъ налицо: переживаніе кризисовъ слова и мысли имъ чуждо. Первая — вырождается въ парнасизмъ (сколько символисты имѣютъ уклонъ къ парнасизму!); вторая же — въ возвращеніи къ тенденціи (есть тенденціозные символисты); исходя изъ тезиса пересѣченія содержанія съ формою, пересѣченіе понимаютъ они, какъ знакъ равенства: содержаніе — формѣ, забывая при этомъ: содержаніе логики несонизмѣримо съ фонетикой, или съ формою; слѣдуетъ переплавить намъ въ насъ содержаніе, форму, чтобы въ иной, третьей плоскости, открылась бы подлинное сонизмѣреніе; данныя содержанія не сонизмѣримы съ намъ данными формами: произведеніе ихъ — единство, не сумма; поступая иначе въ а priori принятомъ тезисѣ, мы абстрагируемъ то — содержаніе, то — форму; не критичное отношеніе къ понятію „содержаніе“ вырождаетъ символику въ парнасизмъ; не критичное отношеніе къ формѣ выщелушиваетъ тенденцію изъ символики слова. Тезисъ символа, какъ единства, одинаково подмѣненъ содержаніемъ, даннымъ въ формѣ, содержаніемъ, вылагающимъ свою форму во внѣ. Синтетическій смыслъ поэзіи гаснетъ: въ одномъ случаѣ онъ становится лишь анализомъ, выведеніемъ „формы“ изъ нѣдръ содержанія; въ другомъ случаѣ онъ становится выложеніемъ „содержанія“ изъ нѣдръ формъ; въ первомъ случаѣ самой формою слова дана намъ абстракція; во второмъ — содержаніе есть абстракція. Двѣ опасности отношенія къ слову подстерегаютъ насъ внутри тео-

рин слова-символа; нѣкогда провозгласила себя она революціоннымъ теченіемъ, признающимъ катастрофу смысловъ словъ и ищущимъ выхода къ подлинной жизни смысла; революціонно-словесныя заданія символизма при нежеланіи глубже вскрыть символизмъ, превращаются въ благополучіе эволюционирующаго течения: отъ новаго къ старому; отъ символизма, какъ жизни пути слова-собственно къ двумъ культурамъ до революціонной словесности: къ культурѣ тенденціи и неживого Парнаса. Здѣсь живое сознаніе кризиса слова и мысли, стерилизуясь, блѣднѣетъ въ реторику „символистики“, въ благополучіе сытаго „буржуа“, наконецъ приобретающаго собственность на „Парнасъ“, или сложившаго сбереженія своей музы въ „міровоззрительный“ банкъ, и поэтому съ невниманьемъ уже относящагося къ дрожанію передовыхъ сейсмаграфовъ мысли, оповѣщающихъ, что „міровоззрѣніе“ рушится, съ невниманіемъ относящагося къ демонстраціямъ футуристовъ, гласящихъ, что уже разрушенъ Парнасъ. Пастораль до-символическихъ, докритическихъ школъ словесности совершенно наивна; пастораль же иныхъ „символистовъ“, въ свое время расчетливо снявшихъ квартиры въ „міровоззрительномъ“ домѣ есть обманъ пасторали... „надъ бездною“. Первая пастораль намъ гласитъ: „Широко, глубоко это море словесности!“ Смыслъ второй пасторали ехиднѣй: „Après nous le déluge“...

Принимая сліянности формъ съ содержаніемъ, полагаю единство ихъ не въ той плоскости, гдѣ оно положено многими школами современной поэзіи. Благополучіе снѣжнаго единенія отвергаю рѣшительно: содержанье и форма суть двѣ половинки разбитаго камня словесности; соединеніе двухъ частей камня слова нуждается въ цементѣ. Гдѣ тотъ цементъ? Онъ—въ насъ, внутри насъ: слово подлинно при дверяхъ; его нѣтъ еще: соединяющій цементъ—не можетъ быть пылевыми остатками стараго разбитаго слова; межъ гласящими звуками и безгласною мыслью—воистину бездна: не парнасцамъ, логикамъ, футуристамъ будетъ подлинно явлено внутренне поющее слово: оно—въ будущихъ, побѣдившихъ себя въ своемъ ветхомъ составѣ.

Признавая единство расколотыхъ половинокъ дѣйствительности (слова-термина и предметнаго корня), я его полагаю не въ плоскости даннаго слова; въ данной плоскости принимаю наличнымъ—расщепъ: параллель; въ данной плоскости слова логическій смыслъ не пересекаемъ никакъ съ фонетическимъ; третій смыслъ отдѣленъ несознаніемъ нашимъ отъ двухъ его тѣней; несознаніе наше—въ душевномъ покровѣ, въ которомъ мы ходимъ; онъ и есть тотъ порогъ, черезъ который не переступимъ мы, пока себя не взорвемъ, какъ „душевныхъ людей“, чтобы вызвать въ себѣ челоуѣка духовнаго: третій смыслъ, Слово-Плоть, есть духовное слово: душевное слово

себя завершило въ понятіи, потому что понятія, термѣны, мертвыя шкуры души: катарактъ на глазу ея, образующій слѣпоту душевнаго зрѣнія; а тѣлесное слово есть каменно-нѣмой звукъ, воспринимаемый въ крикѣ.

Сферы „содержаніе“, „форма“—непересѣченныя сферы; внутри содержанія не встрѣчаетъ насъ форма; внутри самой формы отсутствуетъ содержаніе; соединеніе ихъ въ третьей сферѣ, гдѣ они—одно въ духѣ; соединеніе—въ одновременномъ разбитіи оболочекъ (понятійной, матеріальной) на двухъ половинкахъ разбитаго слова; соединеніе содержанія съ формою въ духѣ словъ, въ смыслѣ словъ, еще безгласныхъ, глаголющихъ тайно; внутренне рождаемый голосъ есть Голосъ Безмолвія; и его проэкции—въ матеріальной „глоссолапін“, въ фонетикѣ; и его проэкции—въ душевно-безгласномъ, абстрактно-логическомъ смыслѣ.

Положеніе нашей словесности было бы доказуемо эмпирически, если бы мы при описаніи словеснаго матеріала натолкнулись бы на такое явленіе: выявляя въ стихахъ содержаніе, мы бы видѣли, что содержаніе это въ „дневномъ“ его смыслѣ бѣднѣй впечатлѣнія (въ поэзіи земной разумъ—„ущербенъ“); желая осмыслить въ себѣ глубину впечатлѣнія, полагали бы мы глубину въ подсознательномъ выявленіи жизни образовъ,—въ сонной грезѣ поэзіи; выявленіе „сонныхъ грезъ“ въ матеріалѣ метафоръ эпитетовъ красокъ и т. д. намъ опять таки показало бы: „греза“ въ поэзіи насравненію бѣднѣе того, что она пробуждаетъ; пробуждаетъ она въ ней безгласную и внѣ образовъ пребывающую цѣлину подъ-сознанія: „греза“ образовъ въ поэзіи—раба поверхности „сна безъ грезъ“. По ученію индусовъ „сонъ безъ грезъ“ проницаемъ сознаніемъ: онъ цвѣтетъ полнотою духовно-сознательной жизни; по ученію современныхъ физиологовъ „сонъ безъ грезъ“ есть лишь чувство процессовъ; неуловимое для внутреннихъ опытовъ, уловимо при опытѣ внѣшнемъ: физиологія есть дневной рассказъ о глубиннѣйшемъ; она—связь физико-химическихъ процессовъ; не болѣе: такъ что жизнь „сна безъ грезъ и безъ мысли“ есть жизнь въ насъ матеріи. Матерія—глубочайшая суть бытія; всѣ ученія о безсознательномъ, какъ основѣ сознанія,—ученія о матеріи. Прилагая къ поэзіи здѣсь изложенный критерій сужденій, мы должны бы сказать: „сонъ безъ грезъ“, глубочайшее въ мірѣ поэзіи—есть матерія ея средствъ, физиологія словеснаго ея тѣла: составъ ея звуковъ; смыслъ поэзіи—въ ритмикѣ, въ инструментовкѣ, въ кадансахъ; все эстетское „credo“—матеріастично насквозь; изученіе звукового состава было-бъ намъ обиліемъ здѣсь текущихъ законностей; но законы словеснаго механизма не объясняютъ намъ впечатлѣнія формы; впечатлѣ-

ніе формы „духовнѣе“ представленія о формѣ, къ которому обязаны мы притти; матеріалисты слова, эстеты, отступаютъ въ ужасѣ отъ крайняго вывода фізіологіи слова: отъ вмѣненія поэзіи быть наобромъ звучащихъ кричаній; футуристы—провозгласители культа голаго слова; отношеніе футуриста къ эстету—отношеніе русскаго нигилиста къ умѣренно-либеральному барину; футуристы правѣ эстетовъ въ парадоксальности, въ прямотѣ, въ неприкрытости голаго „credo“, въ отричаніи „разума“.

Впечатлѣніе смысла словъ, кореннѣе и глубже всѣхъ трехъ обнаженій (въ понятіи, въ метафорѣ, въ звукѣ); ни понятіе, ни звукъ не сводимы къ метафорѣ; ни метафора, ни понятіе не сводимы намъ къ звуку; а сведеніе третье—сведеніе къ разсудочной мысли—не соответствуетъ въ свою очередь впечатлѣнію смысла; не удовлетворяетъ простое сложеніе смысловъ: звукового, метафорическаго и разсудочнаго: сложенія смысловъ способно лишь выявить параллель: понятія, образа, звука. Параллель освѣщаема положеніемъ смысла, общаго тремъ, какъ основы поэзіи, или какъ ея конечныхъ заданій: этотъ смыслъ отразимъ непосредственно въ словѣ, какъ тѣнь слова собственно.

Мы должны а priori положить этотъ смыслъ, чтобы поэзія могла состояться, чтобы фактъ непосредственно перваго впечатлѣнія „глубины“ былъ сознательно освѣщенъ и оправданъ. Но нуждается ли слово поэзіи въ оправданіи своего бытія?

Да, нуждается.

Непосредственность впечатлѣнія „глубины“ словъ поэта наполовину утрачена нами въ условіяхъ искусственной жизни; существуя еще вопреки современному бытію, разрушается оно въ насъ; какъ сознаніе человѣка, которому угрожаетъ расстройство психическихъ функцій, оно все еще вопрошаетъ себя,—„а здорово ли я“; вопрошанія наши—остатокъ здоровья, потому что больное сознаніе не сомнѣвается никогда въ правотѣ своего бытія, а себя утверждаетъ здоровымъ съ самоувѣренной дерзостью; въ крайнихъ выводахъ мистики, логики, футуризма есть подобное утвержденіе; смыслъ поэзіи для нихъ—парадоксъ.

Смыслъ поэзіи мы должны а priori положить внѣ метафоры, звука, понятій въ искомомъ соединяющемъ словѣ, насъ способнымъ воистину вывести изъ словесной разрухи, намъ данной; мы должны ту разруху снести: мѣсто новому слову очистить. Наша вѣра въ словесность воистину обязуетъ насъ снять съ себя—загнивающий коростъ „словесъ“ съ прорѣзей новаго слова; что подъ „словами“ есть Слово—эмпирически доказуемо это: звуки слова не суть „жизнь въ себѣ“; онѣ—мимика „ущербнаго смысла“; въ ихъ звучащемъ

кричаніи вписаны космосы звуковъ, слагающихъ свои смыслы. Съ описанія словеснаго матеріала, съ ряда опытовъ надъ словесными элементами въ ихъ отношеніи къ „дневной“ мысли поэта начинается свое бытіе та словесность, которая намъ по новому можетъ связать философію съ фізіологіей, — въ нихъ связать нашъ разсудочный логосъ съ намъ данною словесною плотью, въ слово-плоть совершенно конкретнаго, не „ущербнаго“ Разума.

Поэтический организмъ.

Стихотвореніе есть организмъ; въ немъ понятіе мысли есть мозгъ; переживанія—это нервы поэзіи; отъ мозга отходятъ двѣнадцать паръ нервовъ; отъ понятійной мысли отходятъ главнѣйшіе нервы соединенія образовъ; главнѣйшія соединенія образовъ—вѣчные лики поэзіи: Апполонъ, Діонисъ, Афродита, Деметра, Психея и прочіе образы тысячекратно вѣтвятся въ своихъ модуляціяхъ; и вѣтвятся нервныя стволы организма въ многообразіе окончаній; отъ основного ствола до послѣдняго волокна бѣжитъ нервный токъ; отъ основного, исконнаго мѣла и до случайнаго образа бѣгутъ токи творчества; подъ многовидною субъективностью образовъ коренятся немногіе мѣлы; нервныя волокна, переплетаясь, вплетаются въ ткани; и такъ точно образы; переплетаясь, вплетаются въ ткани формы они; и подобно тому какъ ткани нервовъ, являясь тканью средь тканей, есть мость отъ тѣлеснаго уплотненія до сознанія организма, такъ ткани мѣлическихъ образовъ строятъ мосты отъ тѣлесности слова, съ ними къ сознанію тѣла, какъ жизнь идеи; рухли нервы въ насъ, какъ сознаніе угаснетъ; рухли образъ въ поэзіи—перервется связь между мыслью и формой; безсловесная мысль, мѣлы, образы, звуки и ритмы—слиянны другъ съ другомъ; звуки формы въ поэзіи живописуютъ молчаніе мысли; голосъ мысли поэзіи живописуетъ „внѣмысленный“ трепеть формъ. Переживаніе — нераздѣльная уплостность; его форма есть поэтический образъ; образность въ поэзіи—ея жизнь; смыслъ ея не сводимъ къ смыслу звука, ни къ смыслу абстракціи. Смыслы образовъ намъ не вскрыты ни въ матеріальномъ, ни въ абстрактно-духовномъ; смыслъ, не вскрытый, таится за ними: смыслъ третій.

Что изнутри переживаемо, извнѣ ощущаемо: переживаемы образы, а ощутимы—метафоры; морфологія и фізіологія нервовъ поэзіи—морфологія и жизнь изобразительныхъ средствъ; теорія метонимій, метафоръ и пр. есть теорія поэтической жизни.

Звуковой матеріаль — соединительно тканная система поэзіи; соединительно-тканныя тѣльца въ многообразіи своихъ сочетаній

образуютъ намъ и систему ея железъ, и систему костей; переливы гласныхъ, градаціи гласныхъ, своеобразіе ихъ сочетаній образуютъ намъ железъ, а ассонансы и особыя гармоніи въ сочетаніи гласныхъ (регрессіи и прогрессіи) образуютъ дыханіе. Такъ жизнь ассонансовъ осуществляетъ въ себѣ жизнь дыханія; ассонансы суть легкія; ими мы привыкаемъ дышать; ими дышетъ поэзія; дыханье кровно связано въ насъ нашей жизнью сознанія; ослабленіе, усиленіе ритма вздоховъ черезъ посредство нервовъ очень часто зависитъ отъ тонаса внутреннихъ образовъ; ассонансы, прогрессіи не образуютъ безсмысленности въ себѣ протекающей жизни; жизнь ихъ связана съ цѣлостной жизнью сліянія тканей. И если поэзія организмъ, то ея живой смыслъ инспирируетъ ассонансъ быть осмысленнымъ ассонансомъ.

Что касается жизни согласныхъ, то она проявляется многообразіемъ внутренней жизни, результатомъ которой, доступнымъ сознанію намъ является аллитераціонныя звонъ: въ сущности то, что зовемъ аллитераціей мы есть поверхность огромнаго сложенія звуковъ, намъ явно торчащая изъ подъ волнъ безсознательности; въ сущности жизнь согласныхъ въ намъ явленной аллитераціи еще только поверхностна.

Берегъ вѣчнаго веселья.

Въ этой строчкѣ встрѣчаетъ насъ аллитераціонный мотивъ (*бав*) т. е. здѣсь есть повтореніе группы согласнаго звука. Аллитерація въ этомъ видѣ—глубѣйшее и плотнѣйшее выявленіе жизни звука, осязаемое нами надъ поверхностью образа, какъ осязатима намъ твердая кость подъ слоями изъ мускуловъ. Что такое есть кость, мы не знаемъ еще: знаемъ мы существованіе факта кости; лишь позднѣйшая фізіологія и эмбриологія обнаружили намъ процессъ жизни кости; образованіе ея изъ соединительной ткани; соединительно-тканнныя тѣльца, вrostая черезъ надкостницу въ кость производятъ огромный процессъ, сопровождающійся отложеніемъ извести; собственно говоря, наша кость,—отложеніе въ итогъ процесса; она—ракушка на процессъ; аллитерація есть sui generis ракушка, осязаемая грубо; становленіе кости—въ космосѣ перепетій, претерпѣваемыхъ клѣтками соединительной ткани; аллитерація насъ уводитъ отъ вѣшняго своего бытія къ многообразной внутренней жизни своихъ элементовъ; морфологія насъ ведетъ къ фізіологіи; аллитерація—понятіе морфологическое; она обусловлена огромнымъ процессомъ переплетанья согласныхъ другъ съ другомъ и съ гласными; фізіологія аллитераціонной жизни почти не извѣстна; и поэтому мы не въ правѣ сказать, что жизнь

звуковъ въ себѣ не проникаема содержаніемъ, что она отъ содержанія не зависитъ, что углубленіе въ звуковой составъ словъ есть лишь праздное занятіе формою; утвержденіе этого рода напоминало бы намъ утвержденіе древняго человѣка Галлену: занятіе анатоміей и фізіологіей формъ не способно де насъ вести въ круги знанія о человѣческомъ естествѣ; медицина не обогатится де отъ нашего занятія анатоміей.

Утвержденія эти теперь въ отношеніи къ организму показались бы намъ жалкою и пустою абстракціей, потому что мы знаемъ: гистологія, фізіологія, эмбриологія намъ раздвинула медицину; связь межъ тѣломъ и духомъ въ послѣдствіи обнаружилась.

Утвержденія эстетовъ и антиэстетовъ о внѣ-смысленности внутренняго содержанія поэтической формы или, наоборотъ—объ ея осмысленности одинаково насъ ведутъ: къ вскрытію организма изъ формы, къ изученію ея тканей, къ эмбриологіи и гистологіи тканей формы: изобразительности и звукового состава; непостижимая толща формы вполне проникаема для эмпирическаго рѣшенія вопроса о томъ, аккомпанируетъ ли жизнь звуковъ формы содержанію переживаній и мысли; если да,—то смыслъ звука-мысли, смыслъ третій, конкретно-разумный, доказанъ: и намъ остается ему найти „и м я р е к т“.

Можно сказать, что въ примитивной метрической формѣ имѣемъ мы систему движенія—„мускулы; рѣмы суть сухожилія, прикрѣпляющія поэтическій организмъ къ кости крѣпкаго звука: къ согласнымъ; а оживляющій поэтическій организмъ внутри метра заложенный ритмъ есть пульсация кровеносныхъ сосудовъ поэзіи; и подобно тому, какъ тончайшія капилляры пронизываютъ, оплетаютъ, вплетаются въ органы, проникая ихъ существо, такъ и ритмъ (глубочайшее нескрытое для сознанія начало поэзіи, ея сонъ безъ грезъ“) органически связанъ съ суммою тканей формы; единство ритмическихъ модуляцій поэта и есть его сердце, противоположное началу абстракціи, головѣ; еслибы между безднами верхней и нижней поэзіи, несказуемой въ поэзіи мыслью и не сказуемымъ, безобразнымъ ритмомъ, отдѣленными другъ отъ друга огромною толщею промежуточныхъ переплетенныхъ пластовъ изъ метафоръ, аллитерацій, ассонансовъ и метровъ,—еслибы между этими безднами было бы обнаружено соотвѣтствіе жестовъ, то вопросъ о смыслѣ поэзіи перенесли бы мы прямо къ вопросу о томъ, какъ намъ вскрыть третій смыслъ, пересѣкающій двѣ половинки поэзіи (ея мысль, ея ритмъ, ея мозгъ, ея кровь),—потому что присутствіе этого третьяго смысла поэзіи было бы вполне установлено и было бы установлено этимъ, что въ данности поэтической жизни нѣтъ слова къ смыслу, что этотъ смыслъ въ насъ живетъ, лишь, какъ внутренне произносимая

завязь словъ, могущая въ насъ прорости явнымъ цвѣтомъ, какъ жезлъ Аарона.

Кантіанское представленіе о содержаніи и формѣ превратило намъ представленіе о поэтическомъ организмѣ въ представленіе о воздушной машинѣ для печатанія абстракцій разсудка, именуемыхъ мыслью; слово есть такая машина; его формальная значимость, какъ машины, ничто; наоборотъ, матеріальное представленіе о словѣ, какъ машинѣ, передающей намъ наши процессы питанія мыслями, умертвило смыслъ жизни мысли въ поэзіи и привело къ убѣжденію насъ, что эта жизнь есть „ущербность“.

Между мыслью и формою звука, межъ содержаніемъ звука и формою мысли—нѣтъ связи: непереступаема граница межъ ними, сознание ограничено чувственнымъ, переживаніе ограничено мыслью—вотъ лозунги нашихъ дней, сковавшіе насъ въ словесномъ распадѣ.

Мы должны утверждать: переступаемы границы познанія; переживаніе не ограничено мыслью, потому что оно—насквозь мысль, между мыслью и формой поэзіи есть живѣйшая связь—вотъ наши лозунги, освобождающіе насъ отъ словеснаго плѣна и влекущіе на пути новыхъ словъ.

Такъ ли это?

Посмотримъ.

Изобразительность.

Изобразительность тѣсно связана со стихійнымъ началомъ поэта, съ природой стихій у поэта: метафора—одновременно и ось формъ словесности, и граница дневного сознанія поверхности внѣ сознательныхъ, заграничныхъ цѣлинъ; освѣщаетъ она—трепетъ образной грезы; все, стоящее надъ метафорой, пронцаемо въ мысли; все, лежащее подъ метафорой, есть ночная стихія; и сорви мы съ поэзіи метафорическій „Аполлоновъ коверъ“, мы воскликнемъ, какъ Тютчевъ: „Не пой, страшныхъ пѣсень“!

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ пѣсняхъ ночи поэзіи роковое „наслѣдіе“ наше.

И—въ темномъ, неразгаданномъ ночномъ,

Онъ узнаетъ наслѣдіе роковое.

Этотъ хаосъ стихій—роковое наслѣдіе ущербнаго, денного разума; онъ—змѣнное продолженіе высохшей мысли, наполовину намъ явленной, наполовину намъ скрытой; пополамъ перерѣзана мысль, межъ частями—пороть; чтобы выявить полную мысль, мы

должны передвинуть пороги; это выглядит взрывамъ въ насъ темно-лоннаго хаоса; въ одолѣніи хаоса—долгъ суровый поэта; изъ пийской дыры поднимается паръ; претворимый въ кастальскія струи; вся поэзія Тютчева есть кипѣніе хаоса и цвѣтеніе хаоса; здѣсь сознаніе Тютчева отступаетъ въ ужасѣ отъ видѣнія своего двойника: полуночнаго сознанія поэтической иней; мужество передвиженія пороговъ покидастъ вдругъ Тютчева; темный хаосъ, непросвѣтленно бунтуя, тутъ запертъ испугомъ разсудка; часть дневнаго сознанія не питаема ночью; въ Тютчевѣ она засыхаетъ славянофильской абстракціей; и оттого подсознаніе звукъ,—еще воющій хаосъ, а не змѣиное жало.

Тютчевъ чувствуетъ замкнутый кругъ, имъ самимъ вокругъ себя обведенный.²

Мысль изрѣченная есть ложь...

Умомъ Россію не понять... и т. д.

Наоборотъ: безстрашіе Пушкина вопрошаетъ ночную стихію:

Я—понять тебя хочу:

Темный твой языкъ учу.

Оттого то поэзія Пушкина—музыкальное клокотаніе аполоновыхъ струй: процвѣтаніе мысли природою звука; гдѣ шевелится Тютчеву хаосъ, тутъ именно зажигается Пушкину звукъ; исчезаетъ пугающій призракъ грозящій съ порога сознанія: размыкается кругъ ложной мудрости въ неложную мудрость.

Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ

При солнцѣ безсмертномъ ума!

Да здравствуетъ солнце!

Но не солнце ума—солнце мудрости; въ исполненіи сознанія стихіями мрака абстракція свѣта пестрѣетъ цвѣтами: и ширится; наоборотъ, въ филигранной чеканкѣ все того же объема сознанія намъ куется разсудокъ.

И Тютчевъ умнѣетъ разсудкомъ: отъ философской системы; а Пушкинъ—мудрѣетъ въ стихіяхъ; и понимаетъ Россію онъ сѣбѣ Тютчева.

Метафора есть порогъ подъ-сознанія; соединеніе дня и ночи поэзіи—въ ней; жизнь метафоры проявляетъ себя многообразно въ поэзіи; передвиженіе порога намъ ширитъ сознаніе: оживляя сознаніе, пресуществляя метафору; вѣдь метафора—зерно миеа, по иному ме-

гущаго процвѣсти въ разумѣ; передвиженіе порога сознанія есть внесеніе мифологіи въ мысль: соединеніе мифа и мысли; изъ первичнаго темнаго мифа разрастается солнечный мифъ, (какъ первичный „Аркадскій“ Гермесъ проросъ въ Присмегиста-Гермеса); какъ въ „Аркадскомъ“ Гермесѣ тянулася въ дневное сознаніе природа, быть можетъ, Аркадіи, такъ въ позднѣйшее Слово-Логосъ вошла вся природа, весь космосъ. Вся природа поэзіи Тютчева метафорична насквозь: здѣсь встрѣчаетъ насъ въ собственномъ смыслѣ метафора: соединеніемъ образовъ; какъ мы видѣли ранѣе, метафизическая осмысленность корня первѣе метафоры въ нашемъ смыслѣ; корень слова—метафора всѣхъ метафоръ; проницаніе стихій дневнымъ свѣтомъ сознанія, воплощеніе духа слова въ плоть слова вызываетъ бурную мимику въ перезвонностяхъ слова; въ умѣніи достигать перезвономъ корней явной мимики смысла, есть живая магія непосредственной мудрости; ея дѣйствіе въ насъ непосредственнѣй, перваго слоя метафоръ: соединенія образовъ.

Какъ богата метафора Тютчева! Какъ сравнительно здѣсь бѣдна муза Пушкина, какъ богата она метониміей! Пушкинъ—поэтъ метонимій, а Тютчевъ—метафоръ. Наоборотъ: перезвонности звуковъ у Пушкина несравнимы, огромны; и входя въ жизнь согласныхъ и гласныхъ поэзіи Пушкина отступаешь въ нѣмъ изумленіи: грандіозны, воистину титаничны, прозрачны по смыслу созвучія Пушкина; соединеніе корней и группъ звуковъ слагаютъ картину огромнаго смысла; звуковая осмысленность есть осмысленность слова; въ ней—метафора всѣхъ метафоръ и мифъ мифологіи, соединеніе образовъ, пронизанный смысломъ, то есть, „цѣлѣтѣніе грезъ“,—периферичныя области „сна безъ грезъ“, ночи, мглы, предъ которой дневное сознаніе Тютчева отступаетъ въ испугѣ; въ эту-то запорожную область безстрашно спускается Пушкинъ; и говоритъ темной Паркѣ, которая воетъ на Тютчева шевелящимся хаосомъ:

Я—понять тебя хочу!

Темный твой языкъ учу.

И изъ хаосовъ, лепетовъ, воевъ, сознаніемъ взятыхъ въ себя, вырастаютъ пѣвучіе, нѣжные перезвоны корней, соединяясь въ огромное звуковое единство: въ соединеніе звука смысла и образа. Соединеніе это ломаетъ метафору, понятую какъ сліяніе образовъ въ грезѣ; изъ подъ короста этой метафоры, за порогомъ метафоры, освѣщается звукъ, неосвѣщенный доселѣ: свистъ змѣи въ немъ становится пѣніемъ Сиріны; надъ порогомъ сознанія, гдѣ господствуетъ философическая аллегорія Тютчева, ея прорѣзъ въ понятіе—Пушкинскій метонимическимъ смысломъ; самая абстракція мысли, разсудочное понятіе, пре-

вращается Пушкинымъ въ кипучую жизнь метонимій; метонимія есть перенесеніе образовъ, ихъ замѣна другъ другомъ по отношенію; когда Гоголь намъ говорить, будто звѣзды въ водѣ „отдаются“ (вмѣсто обычнаго—„отражаются“), онъ творитъ метонимію; по Потебнѣ и самый логическій стержень, причинность,—абстракція метонимической жизни; трансцендентальная схема у Канта есть, собственно, метонимія; и когда увѣряетъ насъ Кантъ,—будто схемою времени намъ является линія, что потребность пространственнаго изображенія времени въ познаніе вписана, а priori, то влагааетъ онъ вопреки своей волѣ метонимическій приматъ въ жизнь познанія-собственно. Метонимія, какъ она намъ раскрыта въ словесности,—знакъ пустой; метонимія есть познавательный жестъ матеріально живущаго слова; и она же есть тайное оживанье разсудка въ динамикѣ разума; что въ словесности метонимія, то въ аналитикѣ Канта есть схема; метонимичность познанія есть живой показатель того, что въ разсудочность вписано нѣкое живое начало; обиліе метонимій у Пушкина мы встрѣчаемъ какъ разъ въ мѣстѣ Тютчевскихъ голыхъ абстракцій, повисающихъ въ Тютчевѣ надъ кипѣньемъ стихій его жизни: и обиліе это гласитъ, что до дна окунуть дневной разумъ свой Пушкинъ въ стихію природы; и оттого область грезы разсыялась въ мѣстѣ грезъ у Тютчева (т. е. въ мѣстѣ метафоры); глубина же безобразныхъ сповѣ (область воевъ и хаосовъ) озарилась чудеснымъ, мудрейшимъ и пѣвчимъ сознаніемъ: звуки пушкинскихъ словъ непосредственно осознали себя; и гдѣ Тютчевъ рисуетъ намъ пышности образовъ, тамъ рисуетъ намъ Пушкинъ чуть-чуть, добавляя рисунокъ рисункомъ осмысленныхъ звуковъ.

Положеніе обѣихъ поэзій графически изобразимо намъ такъ: часть дневного сознанія Тютчева не погружалось въ природу стихій; въ этомъ мѣстѣ является Тютчевъ разсудочнымъ: изучаетъ онъ Шеллинга, развиваетъ разсудочный пафосъ славянофильскихъ тенденцій (здѣсь онъ менѣе всего символистъ, здѣсь онъ болѣе всего напавленецъ); часть дневного сознанія Тютчева окунулась въ ночную стихію: и со стихією справилось; въ этомъ мѣстѣ поэзія Тютчева торжествуетъ надъ хаосомъ: соединеніе хаоса съ мыслью озаряется великолѣпнымъ покровомъ метафоръ; въ великолѣпныхъ метафорахъ передъ нами цвѣтущее слово поэта; и отъ болѣе глубокаго пояса подсознанія (тамъ гдѣ мѣръ Матерей) отступаетъ съ трепетомъ Тютчевъ:

Мысль изрѣченная есть ложь.

Взрывая, возмущишь ключи:

Питайся ими и молчи.

Здѣсь сказуемое есть лишь крикъ, есть фонетика хаоса, непокоренная Тютчевымъ; по сравненію съ Пушкинымъ не процвѣтаетъ

стозвонными звуками; Тютчевъ будучи фонетически чрезвычайно богатъ, все же пиръ его звуковъ по сравненію съ пиромъ пушкинскихъ звуковъ—убогая трапеза, потому что воистину Пушкинъ учился глупинному лепету Парокъ (у Матерей научился онъ мудрости); и въ пустынь молчанія инспирированъ голосъ раздавшихся пушкинскихъ звуковъ.

И жало мудрое змѣи
Въ уста замерзшія мои
Вложилъ десницею кровавой.
Какъ трупъ въ пустынь я лежалъ...
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстанъ пророкъ: и виждь и внемли!
„Исполнишь волею моею,
„И обходя моря и земли,
„Глаголомъ жги сердца людей“!

Тютчевъ насъ омываетъ волною роскошнѣйшихъ образовъ, многосложнымъ эпитетомъ и обиліемъ метафоръ: имагинація, осмысленность образовъ, преобладаетъ въ немъ надъ инспираціей, которая—въ раскрытіи смысла звуковъ; инспирація есть рожденіе внутреннихъ словъ въ виѣшній звукъ; имагинація есть введеніе внутреннихъ красокъ во виѣшнюю красочность; въ инспираціи—преобладаютъ начала духовности; имагинація есть душа; преобладаніе имагинаціи и ея матеріальное выраженіе въ жизни метафоръ поэзіи Тютчева—освѣщаетъ сознаниемъ первую запорожную зону: жизнь сновъ; въ инспираціи мы не нуждаемся въ метафорѣ собственно; ея мѣсто—жизнь звука; жало мудрости, опаляющее насъ глаголомъ, поэтому поэзіи Тютчева чуждо; а поэзія Пушкина ближе къ зонѣ палящаго, инспиративнаго звука, пребывающаго въ самомъ центрѣ земномъ для дневнаго сознанія (въ подсознаніи собственно); въ ней, въ поэзіи этой, симфонія звуковъ смыкаетъ симфонію образовъ: метафора, разбухая, подьмелетъ ростокъ своей жизни до... полярнаго круга абстракцій.

И проливаясь въ немъ, измѣняетъ свой видъ: процвѣтаетъ въ понятіиномъ мѣрѣ она... метонимической зеленью.

Я не стану доказывать многообразіемъ примѣровъ конкретный, осмысленный разумъ обычно виѣ-смысленныхъ звуковъ у Пушкина; они расцвѣтаютъ въ отчетливо зрительной краскѣ; и эта краска, влетающая въ красочность образовъ, образуетъ въ ихъ смыслахъ, иные, огромные смыслы.

Для ихъ вскрытія необходимъ огромный трактатъ.

Приведу всѣмъ извѣстный примѣръ, живописующій аллитерацію Пушкина:

*Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.*

Подчеркну здѣсь одни неслучайные звуки „курсивомъ“.

*Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.*

Изъ 43 звуковъ 29 звуковъ мудро-осмысленныхъ, неотчлененныхъ отъ смысла; и 14 звуковъ обычныхъ; эти 29 звуковъ намъ образуютъ какъ бы звуковой корень смысла, вырастающій изъ сложенія многихъ звуковъ въ намъ внятно гласящее слово; оно—слово звука.

Обыкновенно здѣсь отмѣчаютъ аллитерацію „п“ (шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ и пунша пламень голубой), не объясняя ее: аллитерація де есть самоцѣнность; отнесеніе ея къ смыслу словъ де предвзятость, натяжка; и оттого то одни (обыкновенно эстеты), ушнаясь сладостью звука, погребаютъ въ ней смыслъ; и оттого то другіе, смѣясь надъ сладостью звука, создаютъ себѣ представленіе о поэтическомъ смыслѣ абстрактно, разумно.

Постараюсь я здѣсь разложить слово звука на отдѣльные звуки и изъ этихъ буквъ звучнаго смысла сложить слово смысла.

Эти звуки суть: 1) „ш-с-ш“, 2) „п-п-б-п-п-б“, 3) „т-т-а-у“, 4) „а-о“, 5) „б-л-л-б“, 6) „н-н-н-н“, 7) „т-т-т“.

Изъ семи звуковыхъ, динамическихъ линій сплетается слово.

Живописуется въ образахъ: 1) шипѣнье „влаги“ бокаловъ (здѣсь „бокаль“—метонимія, замѣняющая „влагу“ бокаловъ) 2) живописуется голубой пламень пунша.

Живописуется звуками:—

—1) самый звукъ пѣны шампанскаго „ш-с-ш“; три свистящія „ш“, „с“, „ш“ образуютъ здѣсь симметрію: ша, э с ъ, опять ша.

—2) живописуются самыя бутылки шампанскаго въ звукахъ взлетающихъ пробокъ: „п-п-б-п-п-б“; звуки здѣсь расположены опять такъ въ симметріи (два пэ, бэ, два пэ).

—3) живописуется самое теченіе влаги шампанскаго изъ горлышка въ подставимый бокаль: при наливаніи изъ полной бутылки теченіе влаги въ стаканъ совершается не непрерывно, а—какъ бы толчками; толчки звуковъ влаги даны—въ толчкахъ звуковъ: „т-т-т-бо-пу-пла-л-убой“; при наливаніи шампанскаго въ бокаль влага сперва вылетаетъ маленькими толчками („т-т-т“), а потомъ вырывается мощно („пла-л-убой“).

—4) отги́няется влажность „влаги“ расплывчатымъ звукомъ „нн“: пѣ-н, пѣ-н (шипѣнье, пѣн-истыхъ, плам-ень).

—5) звуковая регрессія (линія отъ болѣе высокаго звука къ низкому) живописуетъ теченіе струи сверху внизъ: „е-е-а-у“ (шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ и пунша).

—6) А звуковая прогрессія „уа“ (пунша пламень) живописуетъ взлетающую линію пламени.

Замѣчательно, что живописаніе звука пробокъ, теченье струи— „толчками внизъ“, живописанье звука взлетанія пламени вписываютъ въ образъ, рассказанный словомъ, другой образъ, въ словѣ не данный, но данный лишь звуками. А если явно раскрытый намъ образъ гласитъ: „Бокалы пѣнистые шипятъ. Голубой пламень пунша горитъ“, то соединеніе звуковъ, вполетая въ образъ, даетъ *звуко-образъ*: и *звуко-образъ* гласитъ несравненно болѣе намъ: „Взлетаютъ пробки бутылокъ шампанскаго; струя влаги, сначала маленькими толчками, а потомъ и большими ниспадаетъ, пѣняся, въ бокалы и стоитъ *шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ*“; взлетающей вверхъ линіей поднимается *пунша пламень голубой*“.

Вотъ какая детальная картина встаетъ передъ нами; рядъ мельчайшихъ штриховъ передаютъ одни звуки безъ внѣшняго образа. потому что явно начертанный образъ гласитъ лишь одно:

Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ

И пунша пламень голубой.

Звуки словъ, ихъ осмысленность—*тайное* даннаго образа; слово образа Пушкина наполовину *внутренне*: передается молчаніемъ образовъ; и разцвѣтаетъ, какъ жезлъ Аарона въ душѣ, потому что душа въ невыразимѣйшей сладости звуковъ переживаетъ рядъ образовъ, Пушкинымъ пережитыхъ и Пушкинымъ незарисованныхъ.

Чудо сліянія смысла, образа, звука въ единую цѣлостность „*звуко-образа*“ есть итогъ разцвѣтанья сознанія въ *безсознаніи* звука; это— жестъ инспираціи; это— *мудрое жало змѣи*..

Другой примѣръ:

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.

Здѣсь три „р“, „сс“ и „нн“—краски звука.

В. Ф. Ходасевичъ (поэтъ и цѣнитель поэзій Пушкина) обратилъ вниманіе мое на симметрію въ расположеніи звука: по серединѣ строки стоитъ „р“; съ „р“ строка начинается; съ „р“ кончается; межъ тремя словами на „р“ два безъ „р“ („*лѣсъ*“ и „*свой*“); и характерно: слова эти звуками живописуютъ намъ шелестъ листьевъ: „с-с-с“; звукъ же „рр“ въ трехъ словахъ, гдѣ стоитъ этотъ звукъ, расположенъ опять таки

симметрично: 1) открывает слово (*р-оняетъ*), 2) стоитъ посредникъ (*баг-р-яный*), 3) кончаетъ (*уборъ*); что-то подлинно музыкальное заливаетъ строку; музыкальность же—въ симметріи: въ динамикѣ перемѣны мѣста „*эръ*“ въ трехъ словахъ (*р-оняетъ*, *баг-р-яный*, *убо-ръ*); „*эръ*“ какъ бы проникаетъ тѣла звуковъ словъ; достигается: при экономіи звука—значеніе звука; звуковой скелетъ строки—въ „*эръ*“.

Смыслъ звука?

Онъ—въ тонкой ассоціаціи звука со словомъ: „*багряный*“; багряный цвѣтъ листьевъ особенно отбѣняется, безсознательно повторяется тѣмъ, что ось звуковой симметріи „*р*“ ложится на словѣ „*баг-р-яный*“; двумя звуками „*эръ*“ (*уборъ* и *роняетъ*) создается особая ясность багряности цвѣта листьевъ; листва здѣсь горитъ, чуть не свѣтится; звукъ здѣсь — кисть огромнаго мастера. Въ образѣ багрянаго лѣса намъ чувствуется меланхолія и вмѣстѣ воздушность; меланхолическую воздушность создаютъ звуки „*н*“, прилежащія къ „*р*“: *роняетъ*, *багряный*...

„*Н*“ есть фонъ звука „*р*“: „*рн-рн-рн*“ напѣваютъ намъ звуки; въ „*энъ*“—расплывчатость, грусть и воздушность; звуки „*эръ*“, живописующіе намъ цвѣтъ листьевъ, въ обличенъ съ расплывчатымъ „*энъ*“ поэтому особенно выпуклы; и поэтому образъ багряной листвы начинается горѣть и свѣтиться; а въ звукахъ „*с-с-с*“ листва оживаетъ и движется; вѣтерокъ, пролетающій сквозь листву, не описанъ въ словахъ, а — данъ въ звукахъ.

Создается опять таки *звуко-образъ*, метафора, символъ; этотъ символъ-метафора вписанъ и въ образъ, и въ звукъ; самый образъ и звукъ—половинка единой метафоры; ея цѣлостность въ томъ, что въ ней звуки суть краски, а краски суть звуки; вѣтви образовъ зацвѣтаютъ цвѣтами, какъ звуки; корни звуковъ, листвою проростая, цвѣтутъ.

И — жезлъ Аарона покрывается лиліями.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.

„*Рнс-рнс-р*“ — мудрое живописаніе звукомъ словъ здѣсь встающаго образа; живописаніе, соединяясь своимъ смысломъ со смысломъ дневнымъ, даннымъ намъ, намъ гласитъ: „Стоитъ осень: невыразимо прозраченъ, отчетливо-ясенъ багряный уборъ передъ нами встающаго лѣса; въ грусти осени пробѣгающій по листвѣ вѣтерокъ, заставляетъ ее шелестѣть: съ шелестомъ „*роняетъ* лѣсъ багряный свой уборъ“.

Здѣсь рассказанное, — переводъ звуко-образа въ образъ, распространяющій образъ, намъ данный; группы звуковъ „*рнс-рнс*“ процвѣтаютъ значеніемъ образовъ. Главное звуко-образа — въ мимикѣ, въ жестѣ; внутренній жестъ созерцателя Пушкинна воскресаетъ предъ

нами; за лицомъ строки — выраженіе лица Пушкина, передаващаго себя звукомъ.

И здѣсь мудрое жало змѣи — налицо.

И о ней, о змѣѣ, говоритъ поэтъ Клюевъ:

Звукъ ангелу собрать, безплодному лучу
И недругъ топору, потемкамъ и сычу.
Въ предсмертномъ „ы-ы-ы!“ таится полужвукъ,
Онъ каплей и цвѣткомъ уловится, какъ стукъ, —
Сорвется капля внизъ и вострепещетъ цвѣтъ,
Но трепеть не глаголь, и въ срывѣ звука нѣтъ.

Корневая народная сила змѣинаго звука прозрачна поэту, корнями своими впоеннаго этой народною мудростью.

Я слышалъ, какъ зарѣ откликнулась заря,
Какъ вспѣлъ пѣтухъ громовъ и въ вихрь крылъ возникъ,
Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ.

Изъ звуко-образа, не изъ образовъ только, и не только изъ мыслей возникаетъ вся роскошь позднѣйшихъ метафоръ.

Здѣсь поэтъ знаетъ то, что искусственно намъ препарируютъ въ школѣ эстетовъ; въ этой школѣ эстетовъ искусственно варятъ метафоры и уснащаютъ ихъ солью искусственныхъ звуковъ.

Народный поэтъ говоритъ:

Оттого въ глазахъ моихъ просинь,
Что я сынъ Великихъ озеръ.
Точить сизую киноварь осень
На родной бѣломорскій просторъ.
На закатѣ плещутъ тюлени,
Заглядѣлся въ озеро чумъ...
Златороги мои олени —
Табуны напѣвовъ и думъ.

(Н. Клюевъ).

Напѣвы и думы, сливаясь въ единство, рожаютъ намъ метафоры образа; и — бѣжить „златорогій олень“ цвѣто-звука.

Оттого то и новое слово поэзіи не родится изъ мысли абстракцій; не родится оно ни въ нигилизмъ футуристическихъ криковъ, ни въ сытость эстетскаго упражненія звуковъ тяжелозвучной, искусственной аллитераціи, неосмысленной, матеріалистичной насквозь;

новая поэзія намъ рождается въ устахъ тѣхъ, кто воистину видѣлъ Ликъ Слова живого, кто Его раститъ и питаетъ, какъ тайное слово свое всѣмъ горѣніемъ подвига жизни.

Хорошо сказалъ Клюевъ:

Мигъ выткалъ пелену, видѣніе темня,
Но нѣкая свирѣль томить съ тѣхъ поръ меня;
Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ,
Даря уста цвѣтку, безъ вашихъ ржавыхъ книгъ.

Краски природы поэта.

Не случайны намъ краски природы поэтовъ; не случайны глаголы, въ которыхъ живописуется намъ природа поэта; природа поэта, оставаясь картиной природы, намъ данной, есть все же символъ, потому что природа души соединяется съ ней; и оттого то стихин природы въ живописанъ поэтовъ суть метафоры, т. е. образы природы стихій, колышущихъ зыбь поэзи. Тѣло природы поэта не матеріально, конечно; матеріаль краски, звуковъ ея облачаютъ стихійное тѣло души, по существу динамичное, выражаетъ свое становленіе въ ставшихъ образахъ будто бы обставшей природы; въ краскахъ неба, въ сіяніи солнца и мѣсяца безсознательно отображается скрытая отъ поэта его душевная *аура*.

Кажется Чуковский назвалъ поэзію Брюсова поэзіей *прилагательныхъ*. Прилагательность поэзи Брюсова—въ приложеніи эпитета къ существительному; „существительное“—жъ поэзи Брюсова есть данность предметовъ дѣйствительности; существительныя его музы—всегда матеріальны, плотны; они—ставшее; становленія, динамики—нѣтъ въ поэзи Брюсова; существительное есть предметъ матеріальный: матеріальная женщина, матеріальная страсть; къ матеріально-данной дѣйствительности прилагаетъ Брюсовъ импрессию: прилагательное импрессионистично у Брюсова. Импрессионизмъ музы Брюсова есть анализъ душою поэта предмета природы, ему даннаго виѣшне.

По сравненію съ Музой Брюсова Муза Блока насквозь динамична; Блокъ—поэтъ главнымъ образомъ не прилагательныхъ, а глаголовъ; и эта особенность Блока, глагольность поэзи Блока, воспринимается Брюсовымъ, „статикомъ“ (и не динамикомъ вовсе) съ особою чуткостью, когда Брюсовъ пишетъ о Блокѣ: „Онъ охотно ставитъ одни глаголы: „поднимались изъ тьмы погребовъ“, „выходили“,

„смѣялись“, предоставляя читателю угадать, кто поднимался, кто выходилъ, кто смѣялся“ *).

Этотъ же по существу динамизмъ характеренъ въ живописанъ природы поэтами; извнѣ данная намъ природа—статична; а стихія природы поэта—стихийное тѣло его—есть кипѣніе внутреннихъ, безсознательныхъ жестовъ; мѣсяцъ, солнце, земля, огонь, воздухъ поэта суть всегда отраженія на поверхности безобразной глади пучинъ природнаго лика, гдѣ напримѣръ подъ луной намъ дана не луна, а—кольца свѣта луннаго отраженія; въ этихъ пляшущихъ кольцахъ луны на пучинѣ живописуется не луна: живописуются образы и подобія динамическихъ отраженій луны: отраженіе въ лунѣ безсознательныхъ душевныхъ движеній; оттого то самые образы луны, солнца, звѣздъ суть метафоры; сѣть метафоръ, бѣгущихъ по строкамъ, есть нервная ткань поэтического организма: въ ней—первый, непосредственно прилежащій къ сознанию безсознательный слой поэтической глубины; изученіе формъ образностей и законы, встающіе здѣсь, плодотворнѣе изученія того, что поэтъ о себѣ говоритъ явно сказаннымъ въ словѣ переживаніемъ; тайное переживаній поэта явно брошено намъ въ лицо, какъ изображеніе природы въ его поэтическомъ ликѣ.

Что одинъ поэтъ видитъ главнымъ образомъ зарю жёлтой, другой—только красной (заря же бываетъ и желтой, и красной, и фіолетовой, и оранжевой и т. д.),—показуетъ намъ главнымъ образомъ не зарю, а цвѣтъ ауръ поэта.

Такъ ли это?

Приведу здѣсь примѣръ.

Вода не случайно является намъ стихіею страсти. Состояніе страстнаго организма поэта живописуется безсознательно въ отношеніяхъ поэта къ водѣ. Неужели же состояніе воды у поэта—показуетъ намъ состояніе страстей его? Возьмемъ воду у Тютчева: вода Тютчева—и зеркальная влага, и воющая пучина; она—обильна, ясна, глубока; живописаніе воды Тютчевымъ показываетъ ее, какъ нѣкую мощную силу, могущую быть и нѣжной; не мутна она; не скудна она; очень мало въ ней льда; никогда почти она не „болото“. Переходя отъ воды къ жизни Тютчева, мы должны здѣсь отмѣтить: страстная натура поэта, какъ и „вода“ его, глубока; никогда не бываетъ болыною; мятется природа поэта,—словно юноша, не утратившій способность любить.

Возьмемъ „воду“ у Блока въ отношеніи къ идейному лику Музы. Этотъ ликъ въ немъ мѣнялся; сперва не было явлено намъ его Имя: потомъ Блокъ его назвалъ—Прекрасною Дамою, обращаетъ къ ней

* Изъ статьи Брюсова о Блокѣ въ „Русской Литературѣ XX вѣка“ подъ редакціей проф. С. А. Венгерова (выпускъ VII).

поэтъ свою нѣжную страсть; разгораясь явною страстью къ Видѣнію Неба, поэзія Блока какъ-то путаетъ планы; изъ смѣшенія ея земно-оргійныхъ и небесныхъ началъ вырастають болѣзни экстазовъ—радѣній поэзіи Блока. „Радѣніе“ ведетъ къ срыву: жизнь страстей получаетъ ударъ; заболѣваетъ она; Ликъ Небесной Подруги становится Маскою; и когда спадаетъ она—подъ ней видимъ мы пустоту: женщина легкаго поведенія появляется откуда издали; хирѣетъ въ поэзіи Блока здоровая страстность.

Возьмемъ „воду“ въ поэзіи Блока въ отношеніи къ перипетіямъ явленія и превращенія Лика Музы его. Поразительна параллель „водъ“ въ поэзіи Блока, состоянья страстей и измѣненія лика Музы.

Наблюдаемы здѣсь три главнѣйшихъ этапа.

Этапъ первый: Небесное Видѣніе еще не посѣтило поэта; и спятъ страсти поэта.

Какъ въ періодѣ этомъ живописуется Блокомъ вода?

Она—лѣнива, сонна; или—роищетъ угрюмо; нѣтъ разбѣга въ ней Тютчевскихъ бурь; нѣтъ и ясности.

Появилась Прекрасная Дама. Поэтъ ее любитъ.

Какъ въ періодѣ этомъ живописуетъ онъ воду?

Закипаетъ вода: рѣки рвутъ коростъ льда; разливаются; и, бушуя, поютъ. Если сжать сумму словъ о „водѣ“ и найти къ ней модель въ одной фразѣ, то—вотъ она:

Мы—живемъ въ старинной кельѣ

У разлива водъ.

Здѣсь весной кипитъ веселье

И рѣка поетъ.

Экстазъ влажной стихіи поэта живописуется въ экстазѣ воды.

Этапъ третій: Прекрасная Дама скрывается.

Экстазъ чувствъ обрывается; и „вода“ не поетъ, не бѣжитъ; очень много стоячей воды; она ржаво цвѣтетъ; лейтъ-мотивомъ „болота“ исполнены пѣсни Блока. Появляется Незнакомка подъ Маской: вода замерзаетъ, становится снѣгомъ.

Здѣсь, въ лѣнивой водѣ, въ пѣнѣ водъ, въ зацвѣтающемъ гнилью „болотѣ“ и въ снѣжной метели съ неподдѣльною ясностью передъ нами проходятъ перипетіи глубиннѣйшихъ переживаній поэта, которыя скрыты и отъ него, и отъ насъ въ своемъ подлинномъ образѣ; этотъ подлинный образъ поэтомъ однако намъ данъ не въ словахъ о себѣ, а въ картинѣ природы; такъ изъ суммы пейзажей складается подлинный нелюбезный отчетъ о состояніи стихій у поэта. Пейзажъ природы аккомпанируютъ дневнымъ смысломъ своимъ

ночнымъ смысламъ природы поэзи; форма образовъ (сумма словъ о природѣ) соотвѣтствуетъ идейному содержанію; ночной смыслъ, данный въ образахъ, заживаетъ согласно идеѣ.

Параллели двухъ смысловъ гласятъ, что они суть единство, въ искомомъ, не данномъ намъ смыслѣ.

Ассонансы.

Ассонансъ образуетъ дыханіе въ поэтическомъ организмѣ; поэтический организмъ виѣ дыханія мертвъ; ритмъ дыханія аккомпанируетъ ритму мысли; дыханіемъ выражается жизнь смысла мысли въ физиологическихъ глубинахъ поэзи.

Что такое есть ассонансъ? Пусть расскажетъ намъ о себѣ: привожу стихотвореніе З. Гиппиуса, построенное на ассонансѣ:

Стопы,
Стоны,
Истомные, бездонные,
Долгіе, долгіе звоны,—
Похоронные
Стоны.

Жалобы,
Жалобы на Отца...
Жалость язвлящая, жаркая
Жажда конца,
Жалобы,
Жалобы...

Узелъ туже, туже,
Путь все круче, круче,
Все уже, уже, уже,
Угрюмѣй тучи
Ужасъ душу рушить,
Узелъ душисть
Узелъ туже, туже...

Господи, Господи—нѣтъ!
Въщее сердце възрѣть!

и т. д.

Здѣсь въ первой строфѣ всѣ ударные звуки на „о“; во второй—на „а“; въ третьей—на „у“.

Жизнь ассонанса не изучена нами вовсе; предположение, что движение звуковъ слѣпо, безсмысленно, коренится въ предвзятой обидѣйшей мысли: звуковая де волна матеріальна; матеріей звуковъ безобразно де обвисъ поэтическій смыслъ; безобразный де придаatokъ стиха есть матерія звука; стихъ-де надо кастрировать; таковая кастрація стихотворной строки съ извлеченіемъ идейнаго смысла учинялась десятками лѣтъ теоретиками словесности; и смыслъ слова ссыхался въ абстракцію; и когда пересохъ онъ до термина, то словесники въ ужасѣ отскочили отъ крайнихъ выводовъ теоретической разсудочной мысли; эту мысль приняли они прирумянивать и припудривать поэтическимъ образомъ; былъ ваять этотъ образъ; аллегорія образа не процвѣтала въ символику.

Отъ такой идейно-ходячей поэзіи отказались поэты.

Къ сожалѣнію многіе въ полемическомъ спорѣ съ тенденціей ударились въ обратную крайность; они утверждали: „Если форма въ поэзіи есть мертвѣйшій наростъ для идеи, то идея поэзіи не нужна: нужна форма“.

Утверждение формы, какъ матеріала изъ звуковъ, не сліяннаго съ мыслью, есть впаденіе въ матеріализмъ: разъ вступивъ на путь формы, должны мы притти къ убѣжденію: матеріальнѣйшія элементы ея суть важнѣйшія; оцутимъе всего въ формѣ—звукъ; изъ матеріи звуковъ сплетаются ткани формы; здѣсь внутренній образъ, извнѣ отражимый въ метафорѣ,—лишь покровъ тѣла формы; „образъ“, „миръ“ символистамъ безъ достаточнаго углубленія въ его жизнь, безъ вскрытія тайны теченія образовъ, безъ духовной культуры ихъ жизни, безъ вѣрнаго знанія превращается въ фиговые листочки надъ наготою кричащаго звука; матеріализмъ парнасистовъ умѣренъ; нагота звуковыхъ матеріаловъ цѣломудренно прикрывается аллегорической завѣсью образовъ. Въ футуризмѣ срывается съ наготы тѣла звука листочки засохнувшихъ образовъ; звукъ цинично кричитъ: онъ ведетъ себя нигилистомъ; въ футуризмѣ намъ уличенъ эстетизмъ, парнассизмъ и умѣренный символизмъ. Пусть теперь утверждаютъ парнасцы исключительность формы въ поэзіи; мы ихъ спросимъ тогда: „Почему же вы не идете въ своемъ утвержденіи до конца? Почему же вы не становитесь футуристами?“ Между логикой когеніанства и логикой „Крученыхъ“¹⁾ намъ расплюсненъ Парнасъ, если онъ упорствуетъ въ нежеланіи прихорашивать звукъ аллегоріей образовъ и абстракціей мысли, отставшей отъ подлинной мысли на столѣтье; и—болѣе.

Положеніе третье почти не разобрано: содержаніе и форма въ ихъ смыслахъ суть тѣни конкретнаго, но не дан-

¹⁾ Футуристическій поэтъ.

наго смысла, гдѣ ликъ слова мысли и ликъ звука слова сливаются въ образъ живого Архангела; это—вѣдомо Ключеву:

Но древній рыбарь—сонъ, чтобъ лову не скудѣть
Въ затонѣ тишины созвучьямъ ставить сѣть.

Между мыслью и звукомъ, въ которыхъ расколото прежнее слово—затонъ тишины: молчаніе, подвижъ жизни поэта,—они лишь родятъ слово жизни, гдѣ образъ и звукъ суть единство, чтобъ—

... Вспѣть пѣтухъ громовъ и въ вихрѣ крыль возникъ
Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ.

И тогда поэтъ скажетъ:

Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ...

Ликъ звука не виденъ словеснику былой памяти, разогрѣвавшему ту или другую идейку подъ соусомъ аллегорій; онъ не виденъ парнаасцу, потому что парнасецъ не вѣритъ, что—

Звукъ ангелу собрать, безплотному лучу...

Звукъ—матерія для парнаасцу: онъ—гутируетъ звукъ; парнаасизмъ—плотоядное пожираніе звуковъ, смакованіе звуковъ; звукамъ надо учиться, надо ихъ погружать въ тишину, чтобы тамъ, въ тишинѣ, разцвѣтая, они раскрывались, какъ... ангелы („звукъ ангелу собрать“).

И потому-то Парнасъ ведетъ къ полному срыву души жизни звука; и этотъ „срывъ“, какъ болѣзнь, выступаетъ на ликѣ российской словесности чревоущаніемъ футуризма, гдѣ все звуки—какіе-то недоноски, какіе-то невнятные „ы-ы-ы“. Полужвуки они!

Въ предсмертномъ „ы-ы-ы!“ таится полужвукъ,
Онъ каплей и цвѣткомъ уловится, какъ сгукъ,—
Сорвется капля внизъ и вострепещетъ свѣтъ,
Но трепеть не глаголь, и въ срывѣ звука нѣтъ.

Н. Ключевъ.

Надо намъ in concreto рѣшить, матеріальна ли форма, или форма—духовна; а для этого надо уйти въ изученіе жизни тканей словесности; эта ткань, образующая органы вдыханія и выдыханія звука, есть ассонансъ. Стихотвореніе пульсируетъ ассонансами; о пульсацияхъ этой мы мало что знаемъ; матеріаль ассонансовъ не собранъ, не сортированъ; законностей нѣтъ въ этой области; здѣсь теорія словесности проглядѣла громадѣйшій континентъ; существованье его

нами только недавно открыто; наблюдаены кой-какія законности, памѣдѣ уловимыя; но опытный глазъ наблюдателя съ изумленіемъ видитъ міры; протекають волшебныя перспективы, пролетаютъ пейзажи.

Напримѣръ, характерны нѣкоторые выводы изъ статистики употребленія ударныхъ гласныхъ поэтами. Знаете-ли, что въ поэзіи Баратынскаго, Пушкина, Тютчева на ударныхъ слогахъ главенствуетъ звукъ „о“, а не „а“. Кажется, что наша русская рѣчь инструментирована главнымъ образомъ при помощи „а“; скелетъ гласныхъ стиха суть ударные звуки; въ нихъ главенствуетъ „о“; совершенно обратно: въ нѣмецкой поэзіи главенствуютъ высокіе звуки главнымъ образомъ „е“, *ei*, *i*; принимая, что шкала гласныхъ идетъ сверху внизъ отъ высокаго „и“ черезъ „е“, черезъ „а“ къ наиболѣе низкимъ звукамъ „о“, „у“, мы должны заключить, что нѣмецкая музыка скорѣе сопрано, а наша—контральто.

То, что мы зовемъ ассонансомъ, есть видъ звуковыхъ переливовъ; ассонансами не исчерпана гармонія гласныхъ; ассонансъ показываетъ намъ статику, длительность выдыханія звука; наоборотъ контрастами („и—у“), сътыю прогрессіи (уоаеи), регрессій (пеаоу) выражаетъ себя динамизмъ жизни гласныхъ; въ обиліи гласныхъ—воздушность и легкость стиха; въ этомъ смыслѣ чешскій языкъ, напримѣръ, отвердѣлъ, пересохъ въ преобладаніи согласныхъ надъ гласными; въ изобиліи гласныхъ намъ явлены все здоровыя легкія организма поэзіи. Анатомія и фізіологія системы дыханія есть существенно важный отдѣлъ въ изученіи организма.

Въ управленіи воздушной струей, въ упражненіи съ дыханіемъ достигается многое въ школахъ Юги.

Есть-ли это умѣніе у поэтовъ? Осмысленно-ль катятся волны гласныхъ въ поэзіи, или теченіе ихъ не есть мимика къ вѣтшнему явному смыслу?

Приведу здѣсь примѣры:

Тѣни сизыя смѣсились,

Свѣтъ—поблѣкнулъ: звукъ уснулъ.

Звуковая волна такова, если примемъ въ расчетъ мы ударныя гласныя: „и-и-и-е-е-у-у“; градація нисходящаго звука—регрессія—проникаетъ насквозь приводимыя строки. Каковъ ея смыслъ? Она аккомпанируетъ мысли; медленному угасанію свѣта, ухожденію свѣта подъ землю (въ зарѣ) и паденію сумрака съ неба на землю соотвѣтствуетъ упаденіе звука, угасаніе звука отъ высокаго, остраго, яркаго „и“, черезъ болѣе низкое „е“ къ вовсе темному, низкому и глубоко закрытому „у“. Разумѣется параллель между волнами гласныхъ и смыс-

домъ произвольна и внѣ-разсудочна: въ интуитивной гармоніи смысла гласныхъ и смысла образовъ мы видимъ присутствіе третьяго, тайнаго смысла: за смысломъ логическимъ стоитъ Ликъ Логоса; и за смысломъ гармоніи звука стоитъ Ликъ Звука.

Строчка Лермонтова, живописующая благодатность молитвы обладаніемъ открытаго „ааа“, есть опять-таки чудо: рожденія сознанія въ звукѣ.

Есть сила благодатная.

Я пишу строку такъ, какъ она произносится.

И опять-таки я беру случайно у Клюева:

Осѣняетъ Словесное дерево

Избяную дремучую Русь.

Жесты звуковъ здѣсь совпадаютъ съ рисуемымъ образомъ. Здѣсь два образа: дерева и Россіи. Дерево, стволъ его, расширенный кроною вверхъ нарисованъ прогрессіею, линіей вверхъ всходящаго дерева „а—е“; прогрессія кончается расширеніемъ звука „е“ въ ассонансъ: а—ее; звуками нарисована линія Словеснаго древа; подъ нимъ, въ глубинѣ—Русь, изображенная ассонансомъ ниже древа (яеѣ) лежащаго звука; выбранъ звукъ здѣсь не „о“, а звукъ „у“, наиболее глубокий и темный, потому что Русь здѣсь—„дремучая“, темная, звуковыя линіи: 1) я—ее, 2) у-у-у—суть жесты образовъ. Всѣ ударные звуки осмысленны въ приводимыхъ строкахъ:

Осѣняетъ словесное древо

Избяную, дремучую Русь.

Воистину правъ поэтъ Клюевъ, говоря о себѣ:

Пѣвчимъ свѣтомъ алмазно заиндивѣлъ

Надо мной древословный навѣсъ,

И страна моя, Бѣлая Индія,

Преисполнена тайнъ и чудесъ.

Я не стану описывать смыслы гласныхъ въ приводимой строкѣ (я—ихъ вижу): пусть увидитъ ихъ мой читатель—пусть увидитъ онъ въ нихъ жестъ невидимо приподнятыхъ рукахъ... Бѣлой Индіи!..

Вотъ снова случайныя строки съ волной просвѣтленныхъ ударныхъ:

Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ,

Даря уста цвѣтку, безъ вашихъ ржавыхъ книгъ.

Такова волна гласныхъ: и-у-и-у-и, яа-у-аа-и. И—что она значить? Парадоксальное утвержденіе единства лика и звука выражается

тѣмъ, что сперва рисуется контрастъ звуковъ, наиболѣе высокаго „и“ съ наиболѣе низкимъ „у“ въ линію *иу-иу-и*; а потомъ разрѣшается тѣмъ, что контрастъ „и—у“ связывается въ гармонію ассонанса по серединѣ лежащаго звука (и-е-а-о-у): *яа-у-аа-и*.

Краснорѣчіе звука прозрачно: оно—непредвзято.

Имѣя передъ собою схему гласныхъ Лермонтовскаго „Бородина“ я съ волненіемъ вижу: сквозь всѣ ряды строчекъ течетъ, кипитъ, дышетъ осмысленная картина: жестикующія звуковъ полна; и—не умѣю ее охватить; чувствую, что охватомъ своимъ рационализирую неизбежно я то, что мнѣ видится; для раскрытія смысла теченія гласныхъ здѣсь нуженъ трактатъ; я скажу лишь, что явно проходятъ двѣ темы; описаніе мужества русскихъ сопровождается звукомъ „а“; французы представлены звукомъ „у“; далѣе начинаются чудесныя схватки звуковъ, тончайшая звуковая нить создаетъ изысканный контрапунктъ, о которомъ сказать не умѣю, который я—вижу. Вотъ тема героизма русскихъ (звукъ „а“):

Звучалъ булатъ, картечь вижжала
Рука бойцовъ колоть устала
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

(„ааеа аооа яаа аае“).

Или: снова живописаніе той же темы при помощи все того-же „а“.

Вотъ затрещали барабаны,
И отступили басурманы
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Опять таки: „аааааааааа“ суть ударные звуки.

И вотъ вамъ—французы они фигурируютъ въ низкихъ звукахъ:

У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синіе верхушки
Французы тутъ, какъ тутъ
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ угощу я друга и т. д.

„У-у-у“—сопутствуетъ появленію вражеской, мрачной тучи.

„Бородино“ есть сплошной контрапунктъ ассонансовъ, прогрессій, регрессій, сліяній, гармоній, и звуковыхъ симметрій.

Инспирація гласныхъ сливается въ образы. И воистину: не футуристическое безсмысліе звука безъ смысла пульсируетъ подь всѣмъ тѣмъ, о чемъ пишетъ поэтъ, а звуковая гармонія, заставляющая сказать о родномъ языкѣ словомъ сына народа:

Индійская земля, Египеть, Палестина—

Какъ олово въ сосудъ, отлились въ наши сны!

(Клюевъ).

Аллитерація.

Аллитерація представляетъ собой еще болѣе яркій міръ смысла звука; вмѣстѣ съ тѣмъ она наиболѣе бессознательна; звукъ согласнаго—коренной; тяжелѣй, бессознательнѣй онъ звука гласныхъ; здѣсь мы—въ тайномъ, въ подземномъ; между тѣмъ: здѣсь подземныя толщи матеріи звуковъ при внимательномъ ухожденіи въ нихъ начинаютъ вдругъ плавиться; становятся духовнѣй, иною, не нашей духовностью; не абстракціей мысли, а мимикой, жестами сокрытаго, тайнаго совершенно конкретнаго и все же духовнаго смысла гласятъ намъ онѣ.

Многіе наивно открыли существованіе аллитерацій въ поэзии модернистовъ; модернисты дѣйствительно культивируютъ аллитерацію но эта культура подчасъ совершенно внѣшне посажена; стихъ насильственно сѣдлается ею; обыкновенно, на смыслѣ она, какъ на коровѣ сѣдло: слишкомъ явно торчитъ; и—легко отдирается. Какъ примѣръ аллитерацій внѣшней, чтобы не обидѣть своихъ современниковъ, беру собственный стихъ:

„Краснѣетъ красный край“.

„Кра-кра-кра“—кракаетъ аллитерація безотносительно къ смыслу; между тѣмъ: произвольно я употребляю звукъ „эль“ въ своей прозѣ; это вѣдомо мнѣ главнымъ образомъ потому, что при наборѣ моихъ сочиненій обыкновенно „эль“, не хватаетъ. Это случайное обстоятельство заставляетъ меня заключать, что мой звукъ есть звукъ „эль“.

Думаютъ, что аллитерація есть явленіе позднѣйшаго времени; между тѣмъ: произведенія нашихъ классиковъ переполнены аллитерирующими, переходящими другъ въ друга группами звуковъ; открываю древнѣйшій памятникъ нашей словесности „Слово о Полку Игоревѣ“; и открываю мгновенно серію аллитерацій, на примѣръ: „сели сътвориста моей сребренѣй сѣдинѣ“; здѣсь проходитъ звукъ „с“ и звукъ „р“ и т. д.

Характерно: любимѣйшая аллитерація Баратынского на „пе“— „эрь“: „*п*р“ проходитъ красною нитью по поэзін Баратынского. Смыслъ аллитерація этой опредѣлилъ я, касаясь поэзін Блока*) какъ „*прорывъ покрововъ природы*“. Аллитерація третьяго тома стиховъ Александра Блока есть „*д-т-р*“; я ее опредѣляю, какъ аллитерацію „*трагедіи трезвости*“. Аллитераціи эти воплощаютъ намъ въ жестъ звука согласныхъ основной лейтъ-мотивъ идеологін Баратынского и позднѣйшаго Блока. Здѣсь не стану касаться я ихъ. Ихъ касаюсь я въ другомъ мѣстѣ. Глубокое одухотвореніе согласнаго звука у Пушкина мною было показано выше; пусть читатель мнѣ вѣритъ: аллитераціонныя волны, сливаясь другъ съ другомъ, вдохновенны и пламенны. Многообразіе пейзажей ихъ говоритъ намъ безъ словъ ликомъ смысла.

И въ этомъ глубиннѣйшемъ, безсознательномъ словѣ формы мы встрѣтимъ огромную связь съ переживаніемъ, съ думой поэта; центръ же связи не данъ: утаенъ.

Его надо намъ вскрыть.

Ритмъ.

Ритмъ—глубиннѣйшій слой; онъ подъ толщею формы—заформенное; наиболѣе онъ удаленъ отъ дневнаго, абстрактнаго смысла; онъ—нижнее небо поэзін; или, если хотите, онъ—центръ земли звуковъ; изъ тотъ центръ—раскаленный: онъ кипитъ и бурлитъ; онъ, какъ сердце, пульсируетъ пламенемъ, плавя формы намъ изнутри и бросая намъ звуки толчками своихъ модуляцій; если мысли поэзін—голова, если образы—нервы, гласные—легкія; если сложеніе согласнаго звука напоминаетъ сложеніе намъ соединительной ткани въ крѣпчайшія кости скелета, то ритмъ это—темная кровь, горящая организмъ; и, казалось бы, модуляція ритмовъ должна бы насъ наиболѣе далеко отводить отъ осмысленной внятности переживаній мыслей поэта; между тѣмъ съ наибольшею внятностью въ ея музыкѣ отраженъ смыслъ дневной.

Приведу здѣсь одинъ характерный примѣръ, доказующій внятно глубокое совпаденіе ритма и смысла. Я бы могъ привести и десятки примѣровъ (я помню ихъ); но они насъ ведутъ въ безконечныя лабиринты деталей.

Для поясненія своей мысли замѣчу:—

—мнѣ пришлось одно время работать въ кружкѣ, посвятившемъ себя изученію ритма поэзін; подѣ

*) См. въ моей статьѣ „Поэзія Блока“.

ритмическою строкою мы разумѣли условно строку, съ отступленіемъ отъ нормальнаго метра, т. е. такую строку, гдѣ есть явное ускореніе одной, двухъ и болѣе стопъ; или обратно: гдѣ есть замедленіе. Въ строкахъ Пушкина—

Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами и т. д.—

—есть четыре стопы съ ускореніемъ, по сравненію съ нормально метрическимъ складомъ стиха наприимѣръ:

Возстань, пророкъ! И виждь, и внемли...
Глаголомъ жги сердца людей...

Отношеніе между разными формами строкъ ритмическихъ и метрическихъ измѣнялось нами по предложенію одного изъ поэтовъ такимъ примитивнѣйшимъ способомъ: если мы имѣемъ двѣ смежныхъ и разноритмичныхъ строки, то ихъ разность мы назовемъ „единицею“; разность же, обусловленную неодинаковой паузой формою будемъ мы измѣрять десятичными знаками; такъ, имѣя строфу, мы ее можемъ вычислить, изобразить ее въ числахъ; при повтореніи строкъ съ одинаковымъ ритмомъ, мы ихъ измѣряемъ по формулѣ: $\frac{n-1}{n}$. Такимъ способомъ можемъ мы, будучи ознакомлены съ элементами ритмики, представлять строфы въ числахъ, и при помощи чиселъ графически строить кривую; перебои (паденіе ритма и взлеты его) живописуетъ такая кривая. Стихотвореніе, изображенное, какъ кривая, показываетъ съ наглядностью намъ жестикуляцію ритма.

И, казалось бы, эта кривая, несоизмѣрима со смысломъ; между тѣмъ, она—вдохновенна; содержаніе переживаній и образовъ отглаголяетъ она въ игрѣ ломаной линіи.

Какъ примѣръ совпаденія смысла дневного и ритма приведу стихотвореніе Тютчева.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣтъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.

Здѣсь ритмическая разность между первой и второю строкою отсутствуемъ: 0; между второю и третьей строкою эта разность равна единицѣ; между третьей и четвертой строкою опять таки есть эта разность.

Сумма ритма строфы изобразима: $0+1+1=2$.

Вторая строфа:

Лучомъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной,
И снова пылью огнецвѣтной
Ниспастъ на землю осужденъ.

Первая строка равноритмична предшествующей; вторая строка (ускореніе 2-ой стопы) разнометрична опять; третья строка, повторяя намъ ускореніе третьей стопы, повторяетъ ритмъ второй строчки строфы предыдущей: ея ритмъ исчисляемъ по формулѣ $\frac{n-1}{n}$ т. е. $\frac{5-1}{5}=0,8$; но въ то время, какъ паузная форма одной изъ строкъ есть „с“*), паузная форма другой строки—„b“; по условленному трафарету причитываю разность двухъ смежныхъ паузъ въ 0,2; наконецъ четвертая строфа равноритмична третьей (и проходитъ она съ одинаковой паузной формою „b“) сумма ритма второй строфы: $1+0,8+0,2=2$.

Третья строфа:

О смертный мысли водометъ,
О, водометъ нестоимый!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремить, тебя мятеть?

На основаніи тѣхъ же сужденій сумма ритма третьей строфы будетъ намъ: $0,2+1+0,7+0,9=2,8$.

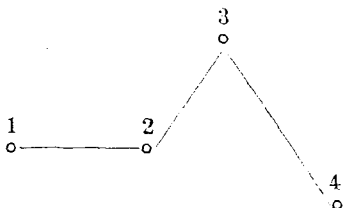
И сумма ритма четвертой строфы—

Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.—

— выразится въ

слѣдующихъ числахъ: $0+0,8+0+0=0,8$.

Изображая въ кривой суммы чиселъ всѣхъ строфъ, т. е., $2-2-2,8-0,8$, имѣемъ такой ми форму кривую; жизнь ритма—въ ней.

*) О паузных формахъ и номенклатурѣ ихъ отсылаю къ моей книгѣ „Символизмъ“.

Соотнесите теперь жестъ кривой съ содержаніемъ стихотворенія.

Въ первыхъ двухъ строфахъ живописуется зрительный образъ фонтана; живописуется, какъ онъ взлетаетъ, какъ падаетъ; это спокойное описаніе фонтана даетъ ровную линію ритма. Въ третьей строфѣ расширяется зрительный образъ въ огромное философское обобщеніе: человѣческая мысль уподобляется фонтану; непостижимый законъ мятеть и стремить эту мысль; охвату и взлету идейнаго содержанія, созданію символа изъ образа соответствуетъ взлетъ ритмической линіи (отъ „2“ къ „3“). Далѣе уже — просто чудо: четвертая строфа живописуетъ паденіе мысли подобно фонтану:

Но длань незримо роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.

И, рисуя паденіе это, глубоко-глубоко упадаетъ намъ линія ритма.

Линія ритма краснорѣчиво кричитъ, что ея темный смыслъ — повѣствуетъ о томъ же, о чемъ повѣствуетъ дневное сознаніе Тютчева.

Я продѣлалъ подобнымъ же образомъ до 20-ти разборовъ стихотвореній Тютчева; и повсюду я встрѣтилъ одно: совпаденіе глубочайшихъ цѣлинъ подсознательнаго съ дневнымъ смысломъ; и мимика кривой ритма, не ошибаясь, живописала дневное сознаніе поэта*).

Приведенные выше примѣры въ совпаденіи образности, инструментовки и ритма со смысломъ дневнымъ показываютъ намъ явственно: содержаніе пересѣкается съ формой не въ содержаніи и не въ формѣ, а въ третьемъ, въ неявленномъ смыслѣ, во внутреннемъ словѣ, еще не проросшемъ, не вскрытомъ.

Какъ его намъ раскрыть?

Словесное древо.

Мы показали наглядно: какая-то далеко не явная связь существуетъ межъ смысломъ и звукомъ; но говорить о единствѣ ихъ въ принятомъ видѣ — натяжка; скажемъ лучше, что смыслы и звуки даны въ поэтическомъ организмѣ условіемъ цѣльности, что не будъ ея, цѣльности, никогда бы мы не встрѣтились съ совпаденіемъ жеста смысловъ и звуковъ; никогда бъ не придумалъ искусственно Пушкинъ своихъ звуковыхъ совершенствъ; никогда бы кривая ритмическихъ танцевъ „Фонтана“ не кричала бы намъ содержаніемъ; невозможно

*) Подробнѣе я касаюсь этого вопроса въ моей статьѣ „О ритмическомъ жестѣ“ (2-й Сборникъ „Скны“).

смысла съ ассонансами—здѣсь, и ритмикою—тамъ,—совпаденіе это ведетъ къ заключенію: содержаніе и формы—едины въ исконномъ, гдѣ они—формо-содержанія, звуко-мысли.

Это—первое слово о словѣ.

И, однако, намъ и звуки и мысли даны въ раздѣленности; расчлененная философія упирается въ терминъ; образованіе термина звукъ убиваетъ; а съ острія всей поэзіи истекаетъ безсмысленный тяжелогрохотный звукъ.

Разрѣшеніе противорѣчій о словѣ—въ признаніи, что нѣмая, незвучная мысль звучна въ тайнѣ не скрывшихся звуковъ, а крикливые грохоты звуковъ не открыли еще своей мысли; и эта мысль въ нихъ оккультно положена: два расщепленнаго древа пересѣкаемы въ насъ, только въ насъ; тайно данный намъ звукъ сочетается съ тайно данною мыслью внѣ мыслей и звуковъ, въ которыхъ себя мы находимъ, а въ мысляхъ и звукахъ, къ которымъ должны мы притти; выводы теоретической мысли о томъ, что она невыразима словами, ее подсекаютъ подъ корень; если смыслъ ея нѣтъ, для чего гносеологи пишутъ трактаты словами?

Въ культѣ мысли, какъ тайнѣ умныхъ дѣланій, правдѣ и старцы и юги: созиданія мыслей въ себѣ, созиданіе мыслью себя,—вотъ во что превращается философія; характерно поэтому завѣреніе философа Яковенко, что для его философіи онъ, философъ, Б. В. Яковенко—помѣха; и отсюда ужъ слѣдуетъ: изъ себя, какъ философа, надо выйти къ себѣ, не философу. Эти выводы мысли о мысли уличаютъ намъ мысли: эти мысли—не мысли, а—брешь.

Выводы современныхъ поэтовъ о томъ, что выразимое слово—внѣ мысли, ихъ приводитъ къ сознанію: расширеніе выразительности слова—въ разбитіи коростовъ смысла, на насъ отвердѣвшихъ; и предѣлъ выразимости звука внѣ мысли развѣ что достижимъ нами явно въ поэмѣ на „собственномъ языкѣ“:

„Дир булъ щыл убѣшцуръ“ и т. д.

Звучный звукъ отрицаетъ себя, какъ и мысль, внѣ какого то упражненія въ таинствахъ звука: звукъ и мысль, подзывая другъ друга, другъ въ другѣ кончаются; звукъ и мысль, расколовшись друга въ другѣ, другъ къ другу, однако, стремятся; звукъ и мысль, утверждая себя, убиваютъ себя: убивая себя, полагаютъ себя.

Гдѣ же выходъ изъ круга?

Въ выходѣ за предѣлы всѣхъ данностей; въ созиданіи новаго міра словесныхъ рѣченій и смысловъ по образу бывшаго: въ актѣ творенія; о прежде бывшемъ мы знаемъ: о словѣ, которое было у Бога.

Въ невозможности сочетать звукъ и мысль, какъ они намъ даны, коренится неправильность пониманья единства. Мы разсудочной

категоріей, по существу механической, называемъ растущую цѣлостность слова—единствомъ.

Гдѣ жъ единство многовѣтвистаго дуба? Въ корневомъ ли началѣ, въ вершинѣ ли? Обыкновенно жизнь дерева сосредоточена въ очень тонкомъ пластѣ межъ корой и толщею; въ древесинѣ, въ корѣ—жизни собственно нѣтъ; наша статика представленій о содержаніи и формѣ поэзіи суть кора съ древесиною; древесина есть толщина формы; кора—покрывающій эту толщину поверхностный строй остановившихся мыслей; соединеніе формы и мысли (коры съ древесиною), одинаково, отлагающее внутрь—матерію слова, во внѣ—содержаніе слова есть тонкій слой образовъ: промежуточный, живой слой, еле-еле уловленный, передастъ водяное питаніе листьямъ, отъ корня; черезъ него пробѣгаетъ питаніе съ листьевъ къ корнямъ. Собственно содержаніе и форма—не кора съ древесиною, а невидимое обыкновенному оку многолистая словесная крона и словесное корневище; для узрѣнія многовѣтвистой древесной вершины необходимо усиленіе приподыманія глазъ: надо намъ приподнять въ себѣ вверхъ—выше, выше!—горизонтъ представленій о содержаніи слова; для узрѣнія многоцвѣткихъ корней необходима работа разрытія почвы; необходимо въ себѣ углубить—глубже; глубже!—свои представленія о звукѣ, чтобы открыть подъ хрустящею древесиною звука—звукъ, спаянный съ почвою. Представленіе о понятійномъ содержаніи поэзіи грубо въ насъ, какъ кора; представленіе словеснаго звука въ насъ еще матеріально: оно—древесинная толща; содержаніе—динамично, многовѣтвисто, тысячелисто, текуче и звучно; содержаніе неразрывно связано, скажемъ мы, съ зацвѣтающимъ вишеннымъ бѣлоцвѣтомъ, съ цвѣтами и съ пчелами на цвѣтахъ; содержанія суть существа жизни, мысли, живыя, крылатыя, пѣвчія; форма связана съ многообразнымъ проростомъ корней, точно лапами виѣвившихся въ почву.

Содержаніе и форма растущаго Слова (одновременно растущаго вверхъ и внизъ)—намъ дана въ направленіи совершенно обратномъ, внѣ плоскости пересѣченія ствола, а въ продольномъ сѣченіи огромнаго дерева; дерево въ поперечномъ сѣченіи—кругъ, глупый кругъ; между слоями коры и толщею древесины круговая линія тканей и есть ихъ единство; пересѣченіе ихъ—глупый кругъ!—не вскрываетъ единства, какъ жизни; еслибы изучить намъ жизнь листьевъ, не данную вовсе въ разрѣзѣ ствола, мы увидѣли бы притеканіе питательныхъ соковъ отъ пѣвчей крылатой Идеи въ подземные звуки корней; еслибъ намъ изучить жизнь корней (ихъ въ разрѣзѣ ствола не откроешь), то увидѣли бъ мы притеканіе влаги подземной къ пѣвчему смыслу листы нашей мысли; и увидѣли бъ мы, какъ оно испаряетъ подъ небо изъ листьевъ исшедшую влагу, собирая подъ

небо громовое облако; роль корней и листвы въ испареніи влаги огромна; и подземный звукъ корня—виѣ-формененъ въ нашемъ смыслѣ, виѣ-содержателенъ—въ немъ же; и жизнь кроны листьевъ, опять такъ есть—ни форма, ни мысль въ нашемъ смыслѣ. Представленія о смыслѣ и формѣ за горизонтами данныхъ намъ и смысловъ формъ; формы, смыслы, сплетаясь виѣ насъ, образуютъ одинъ голый стволъ. Слово, данное намъ—голый стволъ, не проросшій корнями, листьями; и по его перерѣзу должны мы судить о непонятныхъ, нескрытыхъ корняхъ и вершинныхъ; представленіе о смыслѣ поэзіи, третій смыслъ, намъ дается сперва кое-какъ уловимою линіей круга: разрѣзомъ текущихъ сосудовъ; соки жизни поэзіи протекають чрезъ стволъ вверхъ и внизъ.

Слово—цѣльное дерево: и листья (идеи) и корни (пѣвучіе звуки) суть часть многочастности; наши абстракціи о словесномъ единствѣ, погружаемы въ мощную цѣльность; въ ней они—не они; въ ней они—образъ древа. Въ глубинѣ корней древа постигнется мощь притекающей лиственной пищи—свѣтлой, выспренней, горней; въ вышинѣ лишь идей постигаема глубина корневищъ по обилію жизненной влаги, оттуда текущей. Слово здѣсь, какъ и тамъ—духовная жизнь: внутри насъ.

Слово есть дерево жизни: мы же сами суть Слово; и въ корняхъ, и въ вѣтвяхъ прободаетъ оно нашу самость въ огромность космической жизни: испареніе листьевъ стучитъ намъ облако; пролитое изъ облака влагою корни питаются. Въ этомъ дальнемъ, объемлющемъ словъ нѣтъ мысли, нѣтъ плоти, нѣтъ насъ въ нашемъ жизненно-проростающемъ смыслѣ: мы встрѣчаемъ себя, вознесенными въ Жизнь. Слово-Плоть—вотъ послѣдняя тайна и слова, и звука: и листьевъ, и корня.

Всѣ слова, передъ нами лежащія, намъ даны въ раздѣленіѣ, въ расщепѣ, въ разрѣзѣ: осязатая, явная мысль; но она—намъ кора; осязатая звучная толща, она—древесина; лишь въ заданіи данъ тонкій слой, но—живой: совпаденіе смысловъ въ чуть-чуть уловимомъ и третьемъ.

Весь нашъ экскурсъ читателю долженъ явить кругъ немногихъ намековъ: существующія совпаденія; совпаденіе въ малыхъ точкахъ словеснаго смысла и звука есть знакъ намъ о томъ, что путь снова—далекъ; и постигается онъ не во виѣшне-словесной культурѣ, а—во внутреннемъ прославленіи Лица и Имени Слова; безъ инспираціи, безъ интуиціи передъ нами лежащее слово воистину не возстанетъ изъ мертвыхъ: не процвѣтетъ жезлъ словесный.

Изученіе структуры словесныхъ разрѣзовъ на данныхъ словесныхъ стволахъ укрѣпляетъ сознаніе наше въ надеждѣ, что есть

такъ корень; отъ ощущенія корня идемъ мы сквозь корень до сѣмени, изъ котораго корень всталъ и котораго не вернуть; многоствольное и дуплистое древо воистину не сжимаемо въ сѣмя: первоначальное Слово, рожденное въ Богѣ, убито, расщеплено; мертвенѣющій стволъ оживляемъ чуть чуть круговою и тонкою линіей соковъ и влаги; влага мудрости древняго, ветхаго слова бѣжитъ отъ корней; соки цини спускаются сверху: отъ невидимыхъ листьевъ въ неявленномъ внутреннемъ Словѣ; осознать соки листьевъ и значить: родить въ себѣ Слово, впервые увидѣть верха своихъ собственныхъ словъ, гдѣ бѣгутъ бури вѣтра и брыжжуются молніи смысловъ, доселѣ сокрытыхъ отъ насъ; и до самаго ветхаго корня, до влаги подземной, до темнаго ритма—доходитъ питаніе листьевъ, шумъ вѣтра и сладкіе сирины звуковъ; поднимается влага: пульсируетъ ритмомъ; и отъ этого живой слой на стволѣ—образъ слова—во внѣ отлагаетъ кору дневныхъ смысловъ; во внутрь—древесину изъ звуковъ; и жизнь древесны есть тѣнь жизни образа: смыслъ его—не въ корѣ и не въ толщѣ; онъ—въ цинѣ выше. И прилетаютъ пчелы въ высь листьевъ къ цвѣтку: и—переносятъ пыльцу, чтобъ грядущее сѣмя, предъ тѣмъ, какъ созрѣть и упасть, проростая,—высоко-высоко-высоко, подъ солнцемъ качалось и медленно зрѣло въ цвѣткѣ.

Выростить въ себѣ цвѣтокъ новаго Слова,—значить выйти изъ круга коры, древесны—изъ круга трескачаго звука, изъ круга корявыхъ понятій; въ тишинѣ утопить звуки словъ и содрать съ себя ветхіе смыслы понятій, чтобъ по тонкому слою живой ткани внутреннихъ образовъ приподняться до кроны.

Нуженъ подвигъ молчанія: онъ—ростить древо словъ.

Пѣвчимъ свѣтомъ алмазно заиндивѣлъ
Надо мной древословный навѣсъ,
И страна моя, Бѣлая Индія,
Преисполнена тайнъ и чудесъ.

(Н. Клюевъ).

Аароновъ Жезлъ.

Слово-собственно—внутренно. Его смыслъ по отношенію къ дневнымъ смысламъ есть музыка; она кажется намъ вулканическимъ пламенемъ, бьющимъ подъ коростомъ формы; излетаніе новаго звука невнятнаго смысла—преждевременно въ насъ: вулканическій взрывъ разбиваетъ всѣ коросты формы, взлетая подъ небо сознанія ужасающей, дымною, звуковою струею; слишкомъ раннее возгараніе словъ

не проплавить еще шпакли формы вылетая из трещины, они будутъ намъ камнями; жаръ духовный въ неодоухотворенной душевности замутиль атмосферу сознанія нашего; слишкомъ раннее истечение звука Слово изъ теплицы молчанія только—„выкидышь“, „недоносокъ“; такой „выкидышь“—футуризмъ; все убожество футуризма въ его появленіи на свѣтъ до истеченія сроковъ. Темнота звуковыхъ голосовъ до временъ созрѣванія новаго, третьяго, смысла изъ нихъ, все же даръ. Отраженіе Духа во плоти возможно лишь въ соотвѣтствіи статической линіи образа въ линіи духовной динамики; соотвѣтствіе можетъ быть, если Духъ воплотится въ нашъ внутренній обликъ; соединеніе духовности съ нашимъ внутреннимъ обликомъ оживляетъ намъ душу; постигается мимика облика въ проростаніи внутреннихъ жестовъ, и поющая музыка въ насъ суть они; матеріальное выраженіе музыки—пульсы влитаго ритма въ ткани формы: въ мускулатурѣ метрическихъ формъ, въ выдыханіи гласныхъ, въ скелетѣ согласнаго звука! Собственно говоря: на болѣе бессознательный и казалось бы, матеріальный центръ звука—ритмъ—есть проекція внутренней музыки, внѣматеріальной, конечно; окостенѣніе ритмики метромъ есть первое уплотненіе органики звуковъ въ механику; матерія—механически обоснова; ее нѣтъ какъ матеріи собственно; и матерія формы стиха по существу есть механика тоже; механическій взглядъ—это взглядъ искаженнаго духа; матеріализмъ есть болѣзнь жизни духа; разстройство кординаціи между духовными центрами; бессознательность коростовъ матеріи формы—застарѣлое недомоганіе слова; между внутреннимъ словомъ и крикомъ положена грань изъ мелодіи жестовъ и мимики моего духовнаго; непрониканіе формы жестомъ и жеста духовностью вызываетъ стремленіе къ умѣнью приводить слова въ мимику, въ жесты: отысканіе соотвѣтствій межъ смысломъ и звукомъ—итоги духовнаго знанія; преждевременный звукъ—нервный тикъ; онъ—невольная пародія смысла: онъ—неузнанный, неоткрытый языкъ; жестикуляція, мимика въ немъ дана подъ покровомъ болѣзни, хотя бы „священной“ болѣзни: оттого то и говоритъ намъ апостолъ съ огромною кротостью: „Теперь, если я прииду къ вамъ, братія, и стану говорить на незнакомыхъ языкахъ, то какую принесу вамъ пользу, когда не изъяснюсь вамъ или откровеніемъ, или познаніемъ, или пророчествомъ, или ученіемъ? И бездушныя вещи, издающіе звукъ, свирѣль или гусли, если не произносятъ раздѣльныхъ тоновъ, какъ распознать то, что играютъ на свирѣли или на гусяхъ?.. Сколько, напримѣръ, различныхъ словъ въ мірѣ, и ни одного изъ нихъ нѣтъ безъ значенія. Но если я не разумѣю значенія словъ, то я для говорящаго чужестранецъ, и говорящій для меня чужестранецъ... А потому говорящій на незна-

комомъ языкѣ, молишь о дарѣ истолкованія. Ибо когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, то хотя духъ мой и молится, но умъ мой остается безъ плода. Что же дѣлать? Стану молиться духомъ, стану молиться и умомъ; буду пѣть духомъ, буду пѣть и умомъ“ (1 къ Кор. 6—15). Здѣсь даны языки: внутренній, обращенный къ Духу, и—внѣшній, переводящій рѣчь Духа (и къ Духу) въ языкъ, намъ доступный; установлена связь между нами: переводъ здѣсь возможенъ; пропади намъ возможность—два слова стоятъ передъ нами: слово въ насъ и—внѣ насъ; перенесеніе внутреннихъ словъ въ формы внѣшнихъ внѣ связи межъ нами есть поэтому звукъ пустой, уподобляемый звуку бездушныхъ предметовъ. Отсутствие связи—въ болѣзни; въ непринятіи внутреннихъ словъ жестомъ, мимикою душевныхъ движеній; если Духъ овладѣетъ душой, то—связь возстановится и духовное слово волеется сквозъ душу во внѣшнее слово; такъ звуки осмысляются третьимъ, смысломъ. Показательно намъ строеніе рѣчи библейской; Имя Божіе тамъ проросло въ звуки корня; и корни—духовны, священны; еслибъ не было факта еврейскаго языка, еслибъ Павелъ не былъ евреемъ, мы могли бы понять рѣчи Павла—абстрактно въ такомъ смыслѣ онъ—апелляція къ здравому смыслу ходящаго слова. Но ходячій смыслъ слова убить философской абстракціей; въ номенклатурѣ понятій, въ структурѣ понятій сосредоточенъ логическій смыслъ; уразумѣнье звуковъ словъ—ужь не въ здоровомъ, житейскомъ, а въ философско-научномъ, критическомъ смыслѣ; на остріѣ философіи этотъ смыслъ отрѣзаетъ отъ слова себя. Онъ опять-таки—внутренній: выраженіе въ понятійныхъ смыслахъ гносслогическихъ смысловъ эмблематично еще „понятіе“ въ словѣ—нечисто: проницаніе въ мыслительныхъ смыслахъ апеллируетъ къ упражненію, къ очищенію понятія и развитію мощи внѣ словъ протекающей мысли; современная философія въ Гусерлѣ полагаетъ мысль интуиціей; но положеніе это формально: постиженіе интуиціи мысли лишь въ опытѣ творчества мысли гдѣ мы входимъ воистину въ существо жизни мысли. Требуется оживленіе ритмики мысли, динамики мысли; мысль въ „понятіяхъ“—статика: слѣдуетъ воскресить ея жесты, слѣдуетъ уразумѣть лики собственно-мысли; на вершинахъ познанья, какъ тамъ—въ подсознаніи звука, приходимъ къ тому же: къ тайному существу жизни смысла. Этотъ смыслъ жизни есть Духъ; и поэтому даже жестъ жизни звука—духовенъ. Соединеніе внутреннихъ мыслей и словъ воедино въ упражненіе особаго рода: въ немъ мы опытно учимся, что понятія наши и звуки прозекціи цѣльности; цѣльность двухъ развѣтвленій абстрактно положена въ мысли о сочетаніи содержанья и формы. Еслибъ мы смогли вдругъ пресѣчь всѣ потоки словеснаго звука, угашеніе звуковъ бы

намъ отразилось въ пульсаціи ритмовъ; наше горло, слагая беззвучно слова, взрыло-бъ намъ подсознаніе; и подсознаніе наше слагало-бъ ритмично беззвучность кипѣнія жизни въ насъ; пульсація сердца намъ стала бы ритмичкой; еслибъ мы усиленіемъ воли остановили вибраціи горла, то музыкальное разряженіе нашихъ внутреннихъ звуковъ и ритмовъ осознали бы мы напряженіемъ особаго рода, напряженіе зажило бъ въ насъ доселѣ едва только вѣдомо жизнью: музыка пресуществовала бы въ насъ, какъ въ молчаніи рождаемый жестъ: и онъ—образъ звука; изучая жизнь, внутреннихъ образовъ, изучалибъ мы тайны безмолвій, потому что тайное вишняго звука—душевная музыка; преждевременное изліяніе на слово ея—есть „*romance sans paroles*“; молчаніе музыки—жесты. Преждевременное ихъ изліяніе во виѣ—танецъ тѣла, а тайное танца—стремленіе преждеременно воплотить жестъ неузнанной цѣльности: уподобленіемъ тѣлеснаго выраженія выраженію скрытаго Лица; еслибъ мы сумѣли въ себѣ подавить всякій жестъ, напряженіе въ насъ развивало бы намъ центръ нашего жестикуляціоннаго міра; центръ въ насъ ожилъ бы, и—говоря аналогіей стала бы онъ мимикой: мимикой вставшаго Лица; мы узнали бы внутренно, что всѣ звуки—покровы, что музыка—тѣло, что жесты—жизнь этого душевнаго тѣла; въ насъ мы узналибъ, что мимика лица, суть муки рожденія: суть прорѣзы чистаго Духа въ покровы душевности рѣчи Духа душѣ, это—взглядъ безъ единаго слова; жизнь взора; духовное око въ душѣ открывается лишь тогда когда наша душа научится молчать.

Свѣточъ „ока“ и есть слово звука.

Оно раздается внезапно: въ немъ мысли и звуки единство.

Мы его произносимъ свободно: произнесенное такъ, оно—Мудрость.

Произнесенная Мудрость—въ началѣ рожденія Слова: оно—сѣмя Слова; произростаніе словеснаго древа—языкъ. Но вионецъ роста древа есть цвѣтъ жизни древа: и этотъ цвѣтъ—лишь сложеніе новыхъ покрововъ подъ сказаннымъ пологомъ; есть моментъ въ жизни словъ, когда вся эта жизнь напряжена для рожденія: расчлененные смыслы суть листья; смыслъ единый—смыслъ сѣмени—произростае въ многобѣвности языковъ: въ тысячелістіяхъ словъ; но эти листья суть средства къ снабженію сокомъ словеснаго древа; когда приняты соки, они отливаются отъ листьевъ; и—наливаются сѣменемъ; между вѣточкой и листомъ образуется въ черешкѣ перемычка; не пропускаетъ къ листу она влагу корней: листья сохнутъ; засохнувши опадаютъ; а плодъ—наливается многообразіемъ будущихъ языковъ, тысячелѣтіемъ словъ; въ этомъ образѣ засыханіе слова—великолѣпно, торжественно:

Люблю я пышное природы увяданье,

Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса.

Багрецы высыхающихъ смысловъ и есть философія; изъ мивической зелени образуется осень абстракцій: разсудокъ,—древесный баgreць и исторія философіи рдѣтъ терминологической сущью; великая красота ея въ томъ, что внѣ листьевъ ея уже зрѣетъ зерно, изъ которой встанетъ намъ нѣкогда новое древо поэзіи; въ тысячелѣтіи багрянороднаго древа раскрыта, сказалаcь вся Мудрость когда-то рожденнаго слова; и не сказалаcь еще тайна Мудрости новорожденныхъ, младенческихъ словъ, почіющихъ стыдливо въ душѣ.

Признаваніе термина лишь техническимъ средствомъ науки не имѣющимъ никакого иного значенія, показываетъ наглядно: разсудочный смыслъ облетѣлъ; онъ—невнятица шероховъ:

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.

Смыслъ „понятійной“ жизни мысли оконченъ: онъ—мертвый; глоссолалія же футуристическихъ звуковъ—срываніе плода древа словъ, древа смысловъ для корыстнаго, плотояднаго пояденія матеріи звука; всякій плодъ—оболочка: въ плодѣ живетъ сѣмя; подъ оболочкой изъ внутренней музыки скрыты жесты и мимики юныхъ смысловъ грядущаго, мудраго древа; и вотъ музыку, мимику, жесты намъ слѣдуетъ укрѣпить въ плодородной землѣ тишины; и тогда лишь подыметcя слово—вонстину новое слово поэзіи. Въ немъ по новому соединятся три смысла: мнѳологическій, логическій, звуковой—въ новое раскрытіе Мудрости.

Аароновъ Жезлъ—процвѣтетъ.

Андрей Бѣлый.

1917 г.